

СЛОВНИК
ИЗ
МАНИА
КА
ФИЛ
КА

ЮРИЙ НЕКРАСОВ

ПРИЗНАКИ

ПРЯЧЬСЯ, ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ

Сломанный миф. Изнанка

Юрий Некрасов

Призраки осени

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Некрасов Ю. А.

Призраки осени / Ю. А. Некрасов — 2021 — (Сломанный миф. Изнанка)

ISBN 978-5-04-158845-8

Страшные истории, рассказанные по ночам, полны мрачных вопросов. Кто сотню лет назад построил дом, в котором теперь живут призраки? Что делает с ними тварь из подвала, если призраки не выполняют свои обещания? Каковы ставки в их карточной игре? От кого прячется человек по имени Винни, который делит подвал вместе с тварью? И что скрывает детектив Доплер? Все ответы лежат в прошлом. Здесь тайны – клубок змей. Потяни одну за хвост – роковое плетение распутается... но ядовитого укуса не избежать.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158845-8

© Некрасов Ю. А., 2021

Содержание

Стены из детских криков	6
Велосипедист	8
Игроки в загробный покер	10
Винни-пушер	11
Игроки в загробный покер	13
Велосипедист	14
Игроки в загробный покер	15
Велосипедист	16
Винни-пушер	17
Леди Зеленое Солнце	19
Человек по имени Свет	22
Игроки в загробный покер	24
Стены из детских криков	26
Душекрад	28
Стены из детских криков	31
Игроки в загробный покер	33
Гордон Гори-не-Сгорай	34
Человек по имени Свет	35
Эффект Доплера	38
Стены из детских криков	41
Эффект Доплера	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Юрий Александрович Некрасов

Призраки осени

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Некрасов Ю. А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Стены из детских криков

Закат гнил, как утопленник.

Шейла подняла голову и увидела его синюшный оскал в отражениях окон дома на холме.

Отступить было некуда.

Шейла грела горло обеими руками, ей казалось, что это чужие костлявые, лишенные плоти ладони держат ее, что это прикосновение в шаге от удушья и, может быть, она уже не Шейла, а Саманта – пропавшая минувшей весной.

– Мы так и простоим здесь до утра? – нетерпеливо притопнула Элис.

Глупая! – не могла закричать Шейла. – Все очень-очень...

Но что очень – не понимала сама.

Дом на холме притягивал ее.

Шейла помнила свой первый раз: в гостиной ей показалось, что кто-то кашлянул вслед, удивленно и недоверчиво. Столовая походила на джунгли. Шейле пришлось прорубаться сквозь паутину, вместо мачете используя зонтик. На втором этаже стонали стропила. Камин разевал беззубую пасть. Шейла рисовала мелом на стенах, когда скрип ступеней позвал ее в подвал.

Там...

Сейчас она пришла не одна.

Опаздывала только Кристина.

Он просил привести шестерых. Шейла не знала, обидится он, если кто-то не дойдет. Прежде он был очень ласков с ней. Шейла закрыла глаза и попыталась представить, как он выглядит на самом деле. Это мальчик. Несомненно! У него длинные светлые волосы. Очень несовременная прическа. Он старомоден, это чувствуется по манерам. Вопросам, которые он задает. От него хорошо пахнет. Обязательно! А еще он – джентльмен. Подает руку, накидывает плащ на плечи...

– Сколько еще ждать? – кошачьи коготки Элис впились в ее запястье. – Ты нас за идиотов держишь?!

– Пора, – растерялась Шейла и зачем-то шагнула в сторону дыры в заборе. – Да.

Девочки поспешно двинулись следом.

Элис, несмотря на всю браваду, заметно дрожала. Приключение, казавшееся дома детской прогулкой, кусало ноги ночной прохладой и запускало за пазуху липкие пальцы страха.

Луна подсматривала сквозь ветхие шторы.

Сумрак гостиной напоминал огромный аквариум. Тени колыхались в нем, как водоросли.

Шейле показалось, что за круглым столом сидит большая компания. Девочка даже узнала одного мужчину – тощего, с жесткими ввалившимися щеками и острым носом – вылитый Том Чалкер! Но тут в спину ей уперлись чьи-то горячие ладони, и в гостиной стало тесно от живых. Тени стали тенями, а луна спрятала любопытство за своим обычным светом.

– Здесь казнили Гарольда Холдстока, – с торжественным придыханием произнесла Шейла. – В этом самом особняке, в этой самой комнате.

– Я слышала, его сбросила лошадь во время конной прогулки, и он отдал Богу душу в госпитале святого Петра, – заспорила Элис. Дебби и Сара дружно закивали. Сестры Глейдс во всем с ней соглашались.

– Основатель города умер в доме, – повторила Шейла. – Но когда его тело понесли в подвал, он был еще жив.

Она сама вздрогнула от звука собственного голоса.

Дом замер, будто затаил дыхание. Краем глаза Шейла увидела, как из-за стола к ней тянет руку какая-то леди. Ее лицо скрыто зеленой вуалью. И когда только сумела все это рассмотреть?

Шейла резко обернулась, и видение исчезло.

– Не пугай нас! – хором заныли близняшки Глейдс.

Но Шейла уже отвлеклась на другой звук. Кто-то стучал ногтем по перилам. Знакомый звук. Губы Шейлы против воли сложились в улыбку. Он зовет ее!

– Я покажу вам, – девочка не могла скрыть своего торжества, – если вы, конечно, не трусихи!

Элис гневно раздула ноздри и первой выскочила в коридор.

– Где дверь в подвал? – донесся из-за стены ее требовательный голос.

Ступени вскрикнули под каблуками. Сестры Глейдс порысили следом.

– Это глупая затея, – впервые за вечер открыла рот Вайнона. – Я чувствую, это может плохо кончиться.

– Мы ведь уже здесь, – Шейла чувствовала, что обманывает подругу, врет в чем-то глубоко важном, но он звал, и чужое упрямство никак не входило в ее планы.

– Я... не пойду, – попыталась Вайнона, но Шейла уже тянула ее прочь из столовой, где женщина в зеленой вуали немо мотала головой, бессильная остановить, помешать, вдоль узкого, как щель в скале, коридора, к белой, облезавшей неопрятными лоскутами краски, двери, за которой гуляло эхо лязгающих от восторженного ужаса криков.

В подвале горела лампочка.

Это каждый раз поражало Шейлу, и каждый раз она забывала об этом.

Сегодня свет потускнел, и Шейла не сразу сообразила, что плафон заляпан густой жидкостью. Шейла сделала шаг и споткнулась, не удержалась на ногах и вляпалась руками в комок какой-то омерзительной дряни, затряслась от отвращения, и тут в спину ей ударил вопль Вайноны.

Шейла обернулась и прочитала в ее глазах все то, на что у нее не хватило внимания и времени.

Кристина долго ждала у ограды.

Смотрела в черную дыру, ведущую во двор.

Сама она ни за что не решилась бы на это безумие.

Но глаза Шейлы горели таким неподдельным восторгом, она рассказывала настолько волшебные и жуткие истории про дом и его обитателей.

Слезы стекали по носу Кристины и капали на подол. Она специально надела самую удобную юбку из тех, что было не жалко.

Откуда-то из глубин дома донесся мужской смех. Ему вторило несколько детских голосов.

– Ну и ладно! – разрыдалась Кристина. – Веселитесь без меня! Дуры!

Лорд Холдсток привстал из своего кресла и задумчиво посмотрел ей вслед.

– Это выше моих сил, – шептали губы основателя города.

– Это выше любых сил, – прокрипел ему на ухо Душекрад, – но мы же вытерпим?

Мириам Дутль сотрясали сухие рыдания. Она умерла сто сорок лет назад и могла только притворяться, что плачет.

Велосипедист

Прямо посреди обеда, обглаживая куриную ножку, Берт Райт почувствовал, как незримая рука протянулась из-за горизонта, прошла навывлет стены закуской, схватила его за шиворот и властно потащила наружу. Берт не переживал. Такое с ним уже случилось.

Рука толкнула его к велосипеду, и Берт послушно полез в седло. Он знал маршрут, по которому сейчас поедет. Вниз с холма Трех дубов, до конца аллеи, направо и долго-долго вверх, где наваждение рассеется, и Берт сядет на обочину в привычном недоумении, куда же вела его Судьба?

Небо напоминало парусиновый мешок с редкими прорехами облаков. Солнце расплылось по нему, как расквашенный желток.

Берт нажал на педали и помчал под дребезжание и визг стального коня. Молодость велосипеда осталась в прошлом веке. Дома проносились мимо, скверно нарисованные декорации. Берт старался не напрягаться. В первый раз, когда его взяло за душу, он пару раз преборно навернулся с велосипеда и сейчас вовсе не хотел повторять этот опыт.

Город казался надломленной булкой хлеба, которую муравьи притащили на муравейник, прогрызли сотни ходов и без усталости сновали туда-сюда. Улицы кишели пешеходами. Берт старался изо всех сил, чтобы ни на кого не наехать.

Проплешину холма Кривой Нос утюжило солнце. Берт взмок, забираясь сюда. Согнутое столетием дерево, давшее холму имя, указывало носом на далекий залив. Наваждение стиснуло сердце Берта и неохотно поползло по груди вниз, царапая невидимыми когтями, уступая. Он бросил велосипед и улегся под деревом, вытянув гудящие ноги. Кривой Нос со скрипом подставил сухой морщинистый ствол под спину юноши.

Во рту Берта пересохло. Но сильнее жажды мучила загадка. Что-то привело его сюда уже четвертый раз. Какую тайну он должен разгадать?

Неделю назад Берт взял с собой лопату и нарыл три десятка ям вокруг городской достопримечательности. Клад. Могила. Что угодно! Земля молчала. Дерево уныло качало ветвями и отказывалось помогать.

Берт выдохнул.

Залив блеснул, как серебряная удавка, наброшенная на горло города. Солнце бросилось в осеннюю воду и брызгало яркими зайчиками. Что-то стукнуло Берта по лбу. Он поднял голову. Никого. Ощутимо ударило в самый центр лба. Еще раз. Так любил стучать его дед, доказывая внуку, что тот полный олух. Берт вспыхнул и попытался закрыть ладонью, но дед шелкнул еще раз.

Дрянной старикашка!

Берт вскочил на ноги. Сжал кулаки. И, как по волшебству, увидел то, что определило его судьбу.

Слева от Кривого Носа, выше по холму, стоял особняк. Наособицу от прочих домов. Черная дыра в голубом сентябрьском дне.

Дом-мертвец.

Чем дальше Берт смотрелся в окна, тем сильнее предчувствия заполняли его, как холодная вода ботинки. Уверенность, что именно дом привел его сюда, не покидала юношу.

В мутном окне второго этажа расплылся силуэт. Женщина. Холод достиг низа живота, и Берт скорее почувствовал, чем увидел, что это совсем молоденькая девушка, почти ребенок, но лицо ее спрятано зеленой вуалью. Ему показалось, что она умоляюще протягивает руку. Зовет его! Ноги сами понесли к дому на холме...

Пропала.

Виденье растворилось в пыльных разводах.

На стекле остался лишь след. Узкая девичья ладонь.

Игроки в загробный покер

– Вы снова нас подвели, – прокаркала Чиз и сплюнула бы, не утратить эту возможность вместе с телом. Ставок еще не делали. Фан-Дер-Глотт сосредоточенно тасовал колоду.

Круел Райт посмотрел на кухарку, как на однопенсовую гашеную марку.

– Позволю согласиться с дамой, – Душекрад ощерился, как крыса, и сделал вид, что облокотился о стол. Ему, единственному из всех, не давали покоя картинные, нарочито театральные позы. – Опять вы поставили нас на кон, голубчик.

– Тсссссссссс, – предупредительно поднял палец Бёрн и пригвоздил взглядом Райта. Бывший революционер не на шутку завелся.

– Играем на очередь? – стукнул зубами Виски-Джек, лорд Тангейзер, трус и паникер. Тоже поза. Вернее, портрет.

Никто не хочет быть следующим.

Дамы молчали. Даже Чиз кривилась и пронзала Райта взглядом, но временно «зашила» рот.

Фан-Дер-Глотт покончил с колодой и мгновенно сдал.

Лорд Холдсток, Душекрад, Мириам Дутль, Чиз и Круел Райт уткнулись в карты.

– Ставлю второго на кон, – проскрипел Голос-Из-Тени.

Казалось, иней мгновенно высыпал на стены. Голос блефовал или взял безумно сильную карту. В случае проигрыша его очередь наступала мгновенно.

– Поддерживаю, – меланхолично сыграл Фан-Дер-Глотт.

– Да, – сказала леди Зеленое Солнце, и в круге света на миг блеснули ее серые глаза.

Остальные, чертыхаясь, ушли в пас.

Фан-Дер-Глотт крутил колоду. Призраки, затаив дыхание, следили за его руками. На шнуре от люстры, под самым потолком, сидел таракан и бесшумно шевелил усами.

Он видел все.

Винни-пушер

– Сэр, мы должны обыскать дом. У вас есть ключи? – услышав эти слова из-за двери, Винни затрясся, будто внутри него включили моторчик.

Часы показывали семь минут пополудни. Винни собирался прогуляться до кампуса, проведать пару постоянных клиентов. Затем рабочая петля вдоль университета к школе. Покурить у обваливающейся стены городского парка, будто бы невзначай перекинуться парой слов с ребятами, вышедшими на перемену. Быстро – из липких рук в дрожащие – передать пакетики с травкой в мужском туалете, скомкать купюры, запихать их поглубже и тут же выйти. Купить кофе и рогалик с сыром. Выдохнуть. Закурить. Уже без спешки, растягивая удовольствие. И отправиться домой.

Обычный маршрут.

Никаких морщин и переживаний.

И вот теперь на пороге дома кто-то кряхтел, пытаюсь открыть допотопный замок. Винни понимал, стоит поддаться панике, начать метаться, и дряхлые старухи-половицы выдадут его своим скрипом.

– Совершенно исключено, – оправдывался голос с той стороны двери. – Не может быть! Сами увидите.

Винни, едва дыша, отступил за угол. Дом не выдал постояльца. Ни одна половица не проснулась. Ход к подвалу был настолько искусно спрятан в тени от лестницы на второй этаж, что у Винни были все шансы остаться незамеченным. Он услышал, как кто-то зашевелился в подвале, задышал, часто, жадно. От этих звуков душа Винни свернулась в трубочку. Ни за какие деньги он не хотел лишний раз открывать эту дверь и спускаться по этой лестнице. Тот в подвале отлично все понимал и намеренно изводил Винни.

Дверь в дом распахнулась, с улицы ворвался запах жженого сахара и далекая перекличка полицейской рации.

– Девочка утверждает, что они с подругами собирались залезть сюда ночью.

– Вы не знаете детей? У вас есть свои... э... сэр?

– Детектив Доплер, Сэм Доплер. Слыхали про эффект Доплера?

– Что-то из области физики? Мы проходили в школе.

– Да-да, распространение волн...

– Исключено, детектив! Никто не мог проникнуть в дом без моего ведома. Ключи есть только у меня.

– ...в воде, в воздухе и вообще, где угодно. Ммм, давайте все же посмотрим.

– Как вам будет угодно, как скажете.

Пухлый, совсем еще не старый мужчина вошел в дом первым, подняв целые клубы пыли.

– Здесь следы, сэр, – молоденький полицейский присел, внимательно изучая пол. Он дышал через носовой платок. Доплера неприятно поразило, что руки у паренька жуткого багрового цвета, будто он обварился кипятком.

– Мужчина, взрослый, – на глаз определил Доплер. Винни в своем ненадежном убежище задрожал сильнее. Был путь из дома через подвал и окошко в дальней части, но, по понятным причинам, Винни предпочитал пользоваться дверью во флигеле, куда можно было попасть только через холл. Правда, это неизбежно приводило Винни в столовую. От нее у пушера портилось настроение. Чертовы мертвецы терпеть не могли парня.

– Конечно, следы, – не стал скрывать раздражения толстяк. – Я привожу сюда клиентов. Этот особняк стоит, между прочим, целое состояние. Но я готов отдать его за жалких семьдесят тысяч. Всего-то...

– Финч, Слаповски, осмотрите дом, мы ищем следы пяти юных леди, дьявол их заberi!
Ступенька треснула под ногой Винни, он поспешил спуститься ниже. Ему казалось, что полицейские все слышат и намеренно загоняют его в подвал, чтобы взять там с поличным. Ступени кривлялись, подражали друг другу, звучали, как клавиши расстроенного фортепиано, они толкали Винни прямиком в подвал.

Шаги полицейских застучали по второму этажу. Дом казался неприятно живым. Кто-то нашел коридор к подвалу. Винни слышал, как шуршит одежда, плечи идущего задевали стены. Дверь подвала распахнулась, голодная пасть, тонкие плети тумана захлестнули руки Винни и его торс. Муха забила в ловчей сети паука, а тот раздраженно потащил жертву к себе поближе.

«Что за самодеятельность? – беззвучно шипел паук. – Думаешь спрятаться от меня в тюрьме?» Винни вовсе не хотел прятаться. Он смотрел со стороны, как туман пеленает его безучастное тело, тащит в дальний угол, роняет на сгнившие тюки с войлоком и накрывает своим колышущимся телом. Тараканы разбежались во все стороны. Винни чувствовал, что тот, кто живет в подвале, не хочет показываться полицейским.

Финч перекрестил подвальный сумрак лучом фонаря.

Глен и тараканы.

– Никаких следов девочек, – пыль припорошила волосы Слаповски мучной сединой. На молодом лице остро вылезли морщины.

– Я знаю, как люди врут, – Доплер курил, поставив ногу на колесо своего Бьюика. – Девчонка не врала. Совершенно точно.

– Мне позволено будет вернуться к делам? – брюзгливо спросил агент по недвижимости.

– Пожалуй, да.

– Надеюсь, этот маленький инцидент никак не повлияет на мой бизнес.

«Если ты не держишь динозавра в подвале!» – чуть не ляпнул Доплер, скривив губы якобы в дружелюбной улыбке. Риелтор все понял и, сохранив обиженную мину, удалился.

Полицейские остались на крыльце.

Доплер достал фляжку и трижды дернул кадыком. Покосился на подчиненных. Те сделали вид, что их это не касается.

– Снести бы эту дрянь, – Финч, единственный из всех, стоял спиной к дому и читал книгу в мягкой обложке. – Все время кажется, что кто-то целится в спину.

Доплер окинул взглядом мрачную громаду дома и поежился.

– Ладно, парни, оставим это, нам еще нужно проверить пару мест, где могли заблудиться девчонки.

Перед самым сном, сменив рубашку и брюки на пижаму, тайком опрокинув пару рюмок и почти засыпая, детектив Доплер понял, что не помнит, когда в последний раз видел свой револьвер. Утром он нашел в ванной кобуру. Та была пуста.

Игроки в загробный покер

Гарольд Холдсток слышал, как ползет крыса, и ужас душил его, острое предчувствие неминуемого, расправы. Казни.

Крысе казалось, что она бесшумна и невидима. В доме – крыса чуяла это совершенно определенно – не дышала ни единая живая душа, но что-то привлекало ее, манило, кормило обещаниями роскошного пиршества. Крыса была сама осторожность.

Призраки молча смотрели, как она пересекает столовую. Руки Голоса-Из-Тени лежали вверх ладонями. Указательные пальцы слегка вздрагивали, будто он что-то считал или подзывал к себе.

– Невозможно, – сдалась Чиз и обернулась к Леди Пустое Семя. – Я хочу сдохнуть. Можно мне не смотреть?

Леди повернула в ее сторону пустое лицо и отрицательно поводила высокой прической.

– Пожалуйста, – дрожащим голосом прошептала Мириам Дутль. – Умоляю вас, тише!

– Ему все равно нет до нас дела, – наклонился над ее плечом Душекрад. – Оно охотится.

После этих слов в столовую выплыло щупальце тумана. Толщиной с большой палец мужчины оно двигалось с явным трудом. Круел Райт встал со стула и похромал к Бёрну.

– Не вздумайте к нему прикоснуться! – предупредил Гордон Бёрн. – Оно только кажется слабым, на вас ему вполне достаточно сил.

Райт выглянул в коридор. Крыса почуяла неладно и крутила мордой у выхода в кухню. Голод торопил ее, но теперь к желанию примешивалась осторожность. Что-то беспокоило крысу. Нечто бестелесное, но грозное, опасность, клыки и когти, бесшумные, слабые и злые.

Щупальце скользнуло в сторону Райта, но тот отшатнулся, и тогда оно набросилось на крысу. Грызун визжал, бился, катался по полу, но никак не мог сбросить с себя пасть, которая вгрызалась все глубже и глубже, пока не перекусила позвоночник. Туман несколько раз прошил собой агонизирующее тельце и потащил добычу в нору. В пыли осталась извилистая дорожка. Тараканы довольно посыпались со стен.

У корней дома раздались звуки поспешной трапезы.

– Сегодня, – изрек очевидное Виски-Джек и закрыл лицо руками.

Леди Зеленое Солнце молчала. Этой ночью зло из подвала придет за ней.

Фан-Дер-Глотт опять выиграл.

Велосипедист

Берт оставил велосипед у букинистического магазина и поднялся на холм пешком. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь нашел его здесь.

Ночью он опять приходил сюда, и вновь в окне ему мерещилась девушка. Только теперь она молила его не приближаться. Когда Берт попробовал подойти ближе, лицо девушки, скрытое зеленой вуалью, исполнилось такого отчаяния – он чувствовал это! – она почти разрыдалась, и парню стало стыдно. Утром – постучал он по ручным часам и показал на пальцах – я приду завтра. Девушка согласно кивнула головой и пропала.

Берт захватил с собой тяжелый фонарь на длинной ручке. Возможно, девушку держат здесь силой. Кровь Райтов – бунтарей и выскочек – бурлила в юноше.

Особняк выглядел дряхлым зверем.

Вывеска у входа читалась насмешкой: «Дом продается».

Берт припомнил все байки и страшилки, которые ходили об этом месте, и пошел к входной двери. Та оказалась заперта. Берт заглянул в окно рядом с крыльцом. Мутная полутьма посмотрела на него в упор. Ему показалось, что-то шевельнулось в глубине. Берт нацелил туда фонарь. Пыль и забвение.

Он обошел дом вокруг, заметил подвальное окно, практически вросшее в землю. Наклонился. Из подвала веяло уютным теплом. Почему-то память Берта вернула его на двадцать лет назад. Так пахли мамины кексы с корицей и изюмом. Берт лег на землю и всей душой потянулся к этому домашнему, родному запаху. Щеку колола жесткая трава. Поза была страшно неудобной, Берт даже представить не мог, что в глубине подвала бьются в корчах, сплетаются в отчаянные узлы, но не могут дотянуться до него хищные когти тумана.

Решетка, запиравшая окно, прижавела насмерть. Берт сел и примерился выбить его внутрь ногами. Осколки зазвенели об пол. Решетка выгнулась, но не давала просунуть руку и открыть шпингалет. Туман бесновался от отчаяния. Винни очухался в своем углу и тут же попытался закопаться поглубже в войлок.

У Берта резко заболела голова. Запахи стали ему невыносимы. Желудок скрутило острой судорогой. Берт откатился от подвального окошка и уткнулся носом в землю. Леди Зеленое Солнце смотрела со второго этажа и выкручивала себе руки, ничего не чувствуя, но отдавая боль, пока зов не отпустил его.

Берт поднял голову и увидел ее глаза в окне у самой крыши. Девушка в зеленой вуали кивнула и указала рукой направо. Дверь флигеля скрипнула и приоткрылась.

Игроки в загробный покер

– Не входите, умоляю вас! – леди Зеленое Солнце надеялась, что говорит уверенно и твердо, но голос ее дрожал. Человек с той стороны двери замер. Он видел в щель полутемный, несмотря на яркое утро, холл и высокие, накрытые выцветшим ковром ступени. Прямо напротив входа висела картина, в щель смотрел один только глаз, и парню казалось, что он разговаривает с его хозяином.

– Кто ты? Тебе плохо? Я пришел помочь, – опомнился Берт.

– Как ваша фамилия, пожалуйста, доверьтесь мне, это важно!

Берт замялся. Пальцы скользнули к дверной ручке, и леди Зеленое Солнце сумела заглянуть в будущее и почувствовать, как дверь отворится. Девушка хотела перехватить ручку, сжать и не допустить неизбежного...

Берт откашлялся.

– Мне кажется, ты попала в неприятности. Позволь я помогу тебе.

– Фамилия, – умоляла она, – ваше родовое имя!

– Райт, – сжалился парень, – Берт Райт.

– Ваш прапрадед был почтальоном?

– Да, – хмыкнул мужчина, – а еще бунтарем. Круел Райт. Жестокий, как топор.

– Ваш прапрадед просил вас держаться подальше от этого дома, – скороговоркой выпалила девушка и хлопнула дверью. Задребезжали стекла. Берт дернул дверную ручку, с силой потянул дверь на себя. Досадливо сплюнул. И только тогда заметил квадратик картона, вылетевший к его ногам из-под двери.

«Стон моей жизни полночи ждет, часы отзвучат, и кровник придет, он душу без тела кромсает и ест, наследника крови палач он и крест».

Велосипедист

– Что за игры? – обозлился Берт и рванул дверь на себя. Та распахнулась, с хрустом выдрал одну петлю, и грохнула о стену. Барабанное эхо разнеслось по дому и долго еще гуляло по коридорам, заглядывая в каждый угол.

Утренний свет казался здесь чужеродным явлением. Он жался к стенам и потолку, дрожал на полированных поверхностях и отказывался лезть на второй этаж или сворачивать в коридоры. Дому свет был не нужен. Его терпели только там, где темнотой возмутились бы люди.

Со стены упала картина. Берт вздрогнул, и тут же дальше по коридору грохнулась еще одна, за ней следующая, словно кто-то со злости или от баловства срывал их, удаляясь от юноши.

Внимание Берта приковал портрет статного офицера с невероятно вытянутым лицом и огромным перстнем на левой руке. Офицер безотрывно смотрел на юношу. Теперь они столкнулись глаза в глаза. Чутье сделало стойку. Осторожность взяла «на караул». Берт зачем-то поднял картину, перевернул. Дыхание перехватило. Рот наполнился горькой слюной.

С оборота холста на Берта смотрела гибель. Подобное существо не могло родиться на Земле. Перевитое сотней зубастых щупалец, усеянное костяными шипами и иглами, закованное в уродливый панцирь, оно обладало шеей лебедя и головой Моны Лизы.

Берт брезгливо отбросил портрет и обнаружил, что, сорвавшись, тот надорвал обои. Парень увидел кровавый глаз. Берт ткнул в дыру пальцем и понял, что порез, делящий империю стены на две неравные части, скрывает за собой еще одну тайну. Кто-то прятался за бумажной стеной.

Берт потянул за длинный язык обоев, разодрал им пасть.

На стене углем нарисовали стаю. Тонконогие, мохнатые твари, похожие на приплод пауков и шакалов с дивной шеей лебедя, сверкали красными проколами глаз и скалились на Берта. Они обещали карнавал плоти и расписную кровавую потеху. БERTу показалось, что одна из тварей нетерпеливо почесалась. Он прищурился на зверей почти в упор, но те отказались оживать под его скептическим взглядом.

Где-то внутри дома послышались шаги. Берт дернулся и поискал глазами хозяина звуков.

Обои спланировали на пол. Парень шел на звук опасности и рока, а вслед ему крались хитрые красноглазые твари.

Винни-пушер

Винни мечтал надраться.

Все тело стонало и причитало. День превратился в бумажный платок, в который высморкались, скомкали и забыли выбросить.

Обычно Винни спал в дальнем углу чердака – как можно дальше от подвала и связанных с ним прелестей. Месяц назад Винни решил сделать ноги, не стал забирать вещи, перекусил на автобусной станции, купил билет до столицы округа и сиял от радости. Солнце улыбалось Винни. Какие-то девушки в коротких платьях перекинулись с ним парой одноразовых дорожных глупостей. Эй – куда едешь – к подружке – была там с отцом, когда мне исполнилось шесть – возьми нас с собой? На выезде из города о колено Винни разбилась первая капля. Он уже полностью нырнул в грезы о будущем, представляя себя в крупном городе. Купит белый костюм. Непременно. Он не заметил, когда из носа хлынуло потоком. Брюки и рубашку залило кровью. Соседка пыталась помочь, совала платок, потом побежала к водителю. Винни вывели. К кровопаду добавились судороги. Винни корчился в пыли, червь, перерубленный лопатой, и чувствовал, как внутри него бьется, свивает кольца чужая холодная воля.

Винни только-только поднялся в столовую, как со стороны задней двери что-то грохнуло. Он растерялся. Полиция? Риелтор? Мальчишки? Сердце металось, как каучуковый мячик. Послышался треск, будто кто-то отдирает доски от забора. Из-за угла показалась тень, парень плохо различал неупокоенные души, она зацепила картину на стене и сбросила ее на пол. Повернулась к Винни, и он узнал эту зеленую тряпку и спокойные серые глаза. Только сейчас они пылали неприкрытой злобой и желанием убивать. Истерзанная душа Винни не выдержала, и он побежал.

Паника была прекрасна. Она говорила Винни: «Я – твоя мама. Можешь никого больше не слушать. Просто бойся и беги!» Послушный мальчик Винни убежал со всех ног.

Лестница показалась ему неожиданно крутой, поэтому он карабкался по ней, как обезьяна, активно помогая себе руками.

На втором этаже Винни заметался. Все комнаты казались ему одинаково ненадежными, а чердак таил в себе какую-то измену.

Они столкнулись у кабинета лорда Холдстока. С первого этажа туда вела кованая винтовая лестница.

– Где девушка? – закричал Берт, хватая Винни за рукав. Тот не растерялся и двинул незнакомцу в челюсть. Вышло неловко, Берт увернулся и примирительно замахал руками.

– Ты чего? Постой! – все происходило слишком быстро, Берт вовсе не хотел драться. – Мне нужна только девушка.

Винни зарычал и кинулся ему в ноги. Этому приему безуспешно учил Винни отец. Берт отпрянул, сжал кулаки. Злость дала ему пинка под зад. Вот еще, станет он терпеть оплеухи от какого-то недоноска. Винни, размахивая граблями, как ветряная мельница крыльями, крепко залепил ему в ухо. Ботинок вонзился в колено Винни, и тот упал.

– Не надо! – одной рукой Берт держался за ухо, другой успокаивающе водил в воздухе. – Я не вор, я тебя не сдам, просто скажи, ее держат здесь силой? Девушку в зеленой вуали? Она кому-то задолжала? Я пришел за ней. Просто скажи и...

Винни с колен бросился на Берта. Тот ждал чего-то подобного и встретил Винни мощным пинком в грудь. Пушер отлетел на пол, застонал и перевернулся на живот. Берт схватил его за руку и взял на болевой.

– Ты явно местный, – едва сдерживая ярость, закипал Берт. – Что тут происходит? Ты держишь девушку взаперти?!

– Пппуууустиии! – Винни слышал, как под землей пришли в движение хищные нити тумана, ползут-стремятся вверх по ступеням, сплетаясь в неутолимой жажде. Страх уступил трон одержимости. Винни хрипел под Бертом. Слепой от жадности туман мог не разобраться, кто есть кто, а Винни не желал случайно оказаться его обедом.

Снизу пришел тонкий звук. Шипение или треск. Он забрался в душу Берта и принялся душить волю. Он звал Берта по имени. Парализовывал его. Страх разинул пасть.

– Что это? – начал Берт, ослабив хватку. Сила вытекала из пальцев.

Винни бешено задергался и вырвал локоть, перевернулся на спину и всадил колено Берту между ног. Тот рухнул поверх Винни, но продолжил цепляться. Пушер кусался и выл. Берт бил и промахивался. Шум приблизился, размножился, вырос, наполнил уши обоих шепотом необратимого. Так сходит лавина, трубят ультразвуком, погибая, киты.

Винни отвел голову и лбом вделал Берту по носу. Хлынула кровь, Берт потерялся. Винни вывернулся из-под него, поднялся, шатаясь. Теперь он-он-он контролировал ситуацию! Винни зарычал и от души вмазал Берту под ребра. За все! Тот еще дергался, но Винни таскал его полу и трепал, как бешеный пес. Да, пес! Рвал и рычал. Насилие бурлило в крови. Горячее пузырящееся шампанское.

Винни пропустил момент, когда его самого взяли в клещи. Паучий шакал напал без предупреждения, вонзил свой крохотный клюв ему в шею. Красное в пыль. Винни заорал, сорвал гадину и свернул ей шею. Шакалы нападали молча, прыгали со стен, драли спину когтями. Умирая, твари взвизгивали и стригли воздух голенастыми лапками. Несколько шакалов набросились на едва живого Берта. Они клевали его в бедра и шею, искали крупные сосуды. Один прыгнул в лицо, метясь в глаза. Берт закрылся руками и катался по полу, пытаясь раздавить зубастую нечисть. Кровь скатывалась в пыльные шарики, серый липкий бисер.

Дом вибрировал от возбуждения. Воздух гудел, как линия электропередачи.

Туман вплыл в коридор, торопясь к полю боя. Все силы от сожранной крысы уходили на этот стремительный рывок. Берт Райт! – звал дом, набрасываясь на долгожданное лакомство. – Берт Райт!

Круел Райт беззвучно кричал и рвал бы на себе волосы, но его сил хватало только на пустое разевание рта. Бунтарь хотел спасти праправнука, но куда сильнее хотел жить сам.

Туман оттолкнул Винни, нырнул под бьющие по воздуху ноги Берта и всеми лоскутами вцепился в них, запутал. Не мешкая, поволок тело вниз, не обращая внимания на хруст, с которым о ступени ломались рука и ребра. Лестница довершила начатое Винни и паучьим племенем. Берт тонул. Сознание недолго пускало пузыри, растворяясь в черной бездне.

Туман праздновал победу.

Шакалы скакали по стенам, медленно расплываясь в злые детские рисунки.

Винни, подвывая, полз к стремянке на чердак.

Дверь подвала стояла распахнутая. Теряя силу с каждым мгновением, туман рывками подтащил тело Берта. Одиннадцать ступеней. Берт пришел в себя, попытался схватиться за дверной косяк. Пальцы едва сжали выщербленное дерево, и туман рывком сбросил его на ступень ниже к смерти.

Берт видел свет в конце туннеля. Свет удалялся. Взгляд цеплялся за руку, она еще тянулась туда, к жизни, к незнакомой девушке в зеленой вуали. Берт видел ее. Девушка появилась в дверном проеме. Берт чувствовал ее запах. Юбка леди коснулась щеки, когда она перешагнула через Берта. Две ступени. Два шага до края.

Леди Зеленое Солнце оглянулась через плечо и ступила прямо в кипящее сердце тумана.

Леди Зеленое Солнце

Отец еще дышал.

Руки дочери остались с ним до конца, и нежность заканчивалась там, где расцветала ненависть.

*«Мне одна лишь весть – непогода,
Мне одна лишь душа – напасть.
Обелиском чумного года,
Не догнать, не забрать, не украсть».*

Она никогда не отважилась бы прочесть ему – живому! – свои стихи. Но сейчас важно было его проводить. Закрывать дверь. Погасить свечу.

*«Что ты стонешь, седая пучина,
От бессилья нахмутив бровь?
Мне нужна лишь одна причина,
И причине той имя – кровь!»*

Из-под бороды булькало алым. Жизнь кипела в отце, вырываясь из глубокой раны, как пар из носика чайника. Старик отказывался умирать. Но дочь знала: смерть – дело решенное. Руки, подол, лицо – она неловко приложила щекой к его губам, пытаясь услышать дыхание, – бурая корка напоминала разлитое варенье. Отец кончался тяжело. Приходилось изо всех сил держать его руки и прижимать к кровати.

Кифер – она узнала того по сопению и мотнула головой – уйди, не мешай, убирайся! – мог бы ей помочь.

– Он и так слишком много для тебя сделал! – девушка не отрывала взгляда от глаз отца и видела в них крохотную перепуганную фигурку, одиноко стоящую на пароме. На столбе горел фонарь. Паром отошел от причала и медленно удалялся в ночь. Фигурка темнела, терялась, становилась частью мрака, но огонек еще мерцал, боролся. Агонии не под силу одолеть тьму, когда смерть из желания становится делом.

Отец перестал скрести пальцами. Губы приоткрылись, будто выпуская душу. Девушка еще какое-то время держала его, напрягаясь изо всех сил, и лишь потом вспомнила, как дышать, оттолкнула от себя этот футляр мертвой человеческой плоти, села на пол.

И только тогда старика скрутило последней судорогой, по всему телу прокатилась волна невидимого света, стирая жизнь, как маляр обдирает старую штукатурку. Волосы, глаза и ногти на миг осветились изнутри и остались нестерпимо белыми.

В какой-то момент пришли Кифер и Калли и увели ее от трупа.

В общем зале, несмотря на ранний час – только что был обед! – лежали четыре посетителя. Дым струился из их металлических трубок и собирал облака грез под низким, видевшим Рай, потолком.

«Я мечтала о дне, когда он умрет, – Калли отвела сестру в свою комнату, потому что в ней не было зеркала. Сестра умыла ее и заплела волосы. – Я говорила себе, прочитаю над его телом прощальный стих и сожгу этот притон. Вырву с корнем. Распачу. Уничтожусь! Наймусь прислугой в приличный дом. Буду ухаживать за животными. Стану выращивать репу. Что угодно, лишь бы оставить этот кошмар в прошлом. Но это слишком правильные мечты, слишком уютные, честные, банальные».

Калли придирчиво оглядела прическу и, кажется, осталась довольна. Затем она взглянула на ее лицо и поморщила носик. Бедная малышка. Совсем не умеет скрывать эмоций.

«Он изуродовал меня?! – душа рвалась в клочья. – Я – чудовище?! Скажи же мне?»

Но им и так сегодня досталось. Калли задумчиво жевала ноготь, доставала какие-то баночки, кремы, румяна, но девушка немо мотала головой, надеясь только на одно – сил достанет, чтобы не кинуться на сестру и не перегрызть ей глотку.

Потом Калли нашла зеленую вуаль и скрыла под ней все, что никого не касалось.

Кифер топтался у двери и, увидев ее, несмело улыбнулся. Девушка погладила брата по щеке. Она так сильно их любила!

Девушка оплакивала себя весь день, принимая деньги из рук в руки, передавая трубки, разводя по укромным лежакам, подкуривая и забывая, выпроваживая лгунов и должников, окликающая Кифера, когда нужна была его сила, благодарно принимая от Калли целебный кофе.

День смыл с себя трупные пятна.

К полуночи зал был полон.

Девушка закрыла салон и приказала Киферу никого не впускать. Впрочем, одного клиента она не могла игнорировать.

Гордон Бёрн заглянул после двух ночи.

– Где старик? – хмуро спросил, пересчитывая потные монеты и рассовывая по карманам купюры.

– Там, – девушка ткнула пальцем в темное, закопченное сотнями опиумных дымов подвальное небо. – Хотя, надеюсь, что там, – высморкалась она на пол.

– Серьезно? – поднял бровь охотник.

Она кивнула.

– Дело тебе не по плечу, – Бёрн не спрашивал, почему она закутана вуалью по самые брови, ему платили не за слова, а за надежный забор вокруг и полное отсутствие лишних глаз и вопросов. – Старик говорил, ты сочиняешь стихи и воешь тут от скуки. Опиумокурильня не для слабаков.

Гордон не видел, как сзади неслышно подошел Кифер. Девушка слегка кивнула ему, и громила сдавил трепача, как стальной обруч бочку. Сгибом локтя Кифер прихватил его за горло, а другой рукой страховал через грудь. Дочь чувствовала, как кровь отца на руках, отмытая, невесомая, но горячая и злая, требует, чтобы она подошла вплотную, взяла эту ветошь с повадкой человека за самое сокровенное, что он носит в штанах, и выплюнула в лицо:

– Сегодня мой брат – он держит тебя сзади, вы знакомы, верно? – переломал нашему отцу все ребра. Тот вздумал меня учить, как вести дела. Кому кланяться, кого брать понезжнее – прямо, как тебя сейчас. Чувствуешь?! Отец забыл, что мы уже взрослые детишки. Что не стоило продавать Калли, она не спала потом и писалась кровью. Что не стоило бить моего брата, он потерял передние зубы и половину языка. Он не умеет говорить, представляешь?! Ему семнадцать, а он только мычит! Мы любили отца. Несомненно! Я воткнула ему булавку в горло. Несколько раз. Показать тебе, как? Я не понимаю ослиного языка, кивни головой, показать? Так вот, Гордон Бёрн, если ты думаешь, что на старого ублюдка, который кормил нас и пытался иногда учить, что такое хорошо и что такое плохо, у нас рука поднялась, а на тебя – не сможет, то ты самая тупоголовая мразь из всех, кого я знаю.

Девушка чувствовала, как сокращается в ее руке мужское естество Бёрна. Он трусил, крепко, по-настоящему, но держал себя в руках.

Кифер выпустил охотника, и тот отшатнулся к стене. Оперся о нее, массируя шею.

– Ты не дура и не шлюха, – прохрипел он. – Твой папаша отдавал мне четверть. Я буду делать все, что делал для него за эти деньги.

– Идет, – девушка повернулась уходить. – И не приведи Господь тебе услышать мои стихи. Я читаю их только мертвым.

Человек по имени Свет

Лайт Филлсон оглянулся на город, залитый полднем, и поежился. Ему всегда становилось не по себе у дома на холме, но храбрость – лужица подтаявшей гордости, которая так поддерживала его в юности, то небольшое, что делало риелтора в своих глазах если не героем, то мужчиной, заставила его натянуть улыбку и обернуться к покупателям.

– Роскошный вид, – искренне запел Лайт. – Прекрасный район. Старинная застройка. Более двух веков истории. А воздух? Где вы еще получите столько свежего воздуха, разве что в горах?

Покупатели вздохнули хором и сделали вид, что агент продает им ровно то, о чем они мечтали полжизни.

– Собираетесь сюда переехать? – наверное, ему не удалось сдержать нотки ужаса в голосе. – У вас есть дети? В доме шесть спален.

– Снесем к чертовой матери, – ответил мужчина. – Поставим магазин и заправку.

Покупатели были похожи на упырей. Румяных, бегающих трусцой и потребляющих исключительно обезжиренное молоко. Новое поколение кровопийц – *Draculus Venustus*. Подтянутые стильные красавчики. Странная пара, они постоянно улыбались, не разжимая губ. Это придавало их лицам жутковатое выражение. «Жабы!» – кривился Лайт и профессионально мимикрировал, поневоле перенимая неудобную улыбку.

«Заправка? Какой идиот попрется на Кривой Нос заправляться?!» – Лайт звенел ключами и чувствовал, как покупатели пожирают взглядами его спину. «Пожалуйста, – злопыхал Лайт. – Кушайте! Резвитесь! Вы им понравитесь! Я даже оставлю вас наедине! Не сомневайтесь!».

Дом шуршал и стучал.

Лайт почуял неладное. Звуки раздавались откуда-то из-под лестницы. Словно в дом проникли бродячие сантехники и увлеченно играют на органе стояков и труб. По полу валялись сорванные со стен картины, некоторые были перевернуты кверху тылом, но агент ловко поддел их ногой и спрятал под лицевой стороной обглоданную правду. Не время.

– Вообще-то мы не хотели осматривать дом изнутри, – деловой самец сомневался. Его жена прислушивалась к звукам из подвала и явно не хотела уходить.

– Там работает какой-то мотор?

– Здесь никого нет, – покривил душой Лайт. Глупо! Он чувствовал чье-то присутствие рядом. Их пока не трогали, но разглядывали вполне определенно.

– Ерунда какая-то, – решил мужчина и пошел вдоль стены, пытаясь найти дверь в подвал. Жена вцепилась в его руку и работала невольным якорем – спешила за мужем, но шпильки проваливались в щели между досками пола. У лестницы в подвал они остановились.

«Врут, в глаза врут! Именно за этой развалиной они сюда приехали!» – решил Лайт и пожал плечами.

Напольные часы начали бить.

Только что – Лайт готов биться об заклад! – было начало первого. И вот куранты опять отмеряют полдень.

– Никуда не спешат, – пояснил Лайт вытянувшемуся мужчине. У того были дивные, абсолютно плоские, невероятные глаза сочного графитового цвета. Бездонно серые.

Жена застыла поодаль. Ее лицо скрывала шляпка с вуалью.

Из подвала донесся крик.

Кто-то говорил Лайту: «Струсишь, пропустишь такой крик, не выйдешь ночью на помощь, всю жизнь станешь казниться и, в конце концов, от совести не останется даже крошек.

Спустишься на такой крик – вернешься сам не свой». Лайт застыл, глядя, как шевелятся губы женщины, точно она повторяла эту фразу.

Недолго думая, покупатель распахнул дверь, ведущую в подвал, и исчез. Его спутница заметалась между открытой картой судьбы и взглядом риелтора. «Прямо сейчас можно со всем покончить!» – Лайт сжимал в кармане отвертку, и пот, как живой, трогал его грудь и спину мокрыми ладонями.

Грохоча сапогами по ступеням, в коридор вывалился покупатель с трупом на руках.

– В больницу! Срочно!

– Бродяга? – прошипел Лайт и почувствовал, как детектив Доплер достает из кобуры свой револьвер, заталкивает риелтору в ноздрю, и тот чувствует запах, черный, смешанный с горечью и обещаниями, аромат убийства. Полисмен взводит курок, пуля занимает место в первом ряду. Агент по недвижимости танцует финал.

Жена покупателя уже стояла у двери и почему-то не спешила выйти.

Мужчина замер рядом с ней. Воздух пах ночной свежестью. На юге гроыхало, но гроза шла мимо. Мотыльки соперничали со звездами. Часы не обманули. Полночь вошла в свои права.

Лайт воровато обернулся, и пока все были заняты внезапной сменой дня и ночи, дохнул на зеркало и несколькими штрихами вывел: «Жди. Скоро».

Бродяга еще дышал.

Покупатели загрузили его на заднее сиденье и стояли у машины, как два понурых пеликана.

– Вы ни в чем... – Лайт начал оправдательный приговор, увидел одинаковый блеск в глазах – он рассмотрел их даже сквозь вуаль – и проглотил хвост фразы. Они не пригласили его в машину. Сами решили отвезти раненого в госпиталь.

Лайт не возражал.

Ключ несколько раз наказал замок.

Дом притих, будто собираясь с мыслями.

Мириам Дутль подкралась к зеркалу и быстрым взмахом стерла послание.

Таракан со шкафа согласно постриг усиками.

Игроки в загробный покер

– Как мило, – Леди Пустое Семя не знала иных эмоций, кроме сарказма. «Ее прическа похожа на надгробие!» – осенило Мириам Дутль, но она смолчала. – Вы их провожали? Или вам так интересна судьба этого юноши?

– Мне она интересна, – лорд Холдсток был кем угодно, только не трусом. – Я мечтаю, чтобы он или кто-то другой пришел однажды сюда и сровнял нас с землей.

– Вы же слышали про планы наших покупателей, – у стен дома было множество ушей, и все они с жадностью впитывали любые слухи. – Заправка!

Тюремное заключение вне тела, в стенах этого дома, оставило призракам бездну свободного времени. Они познавали мир, как насекомые, неторопливо, на ощупь. Если можно считать учебой подсматривание в замочную скважину за чужой жизнью. Никто не понимал принципов двигателя внутреннего сгорания и прочих современных механизмов, но что самодвижущиеся повозки нуждаются в питании, знали все.

– Чуть! – оскалился Душекрад, остро и бескомпромиссно, как всегда. – Вы читали этих людей? Они – ровня тому, что ждет нас в подвале.

– Тоньше, Душекрад, тоньше! – надулся Гордон Бёрн и показал глазами на карты.

Уселись за стол.

Фан-Дер-Глотт вытолкнул на центр колоду и прищурился на Чиз.

Та сдала, бурча под нос что-то малопрстойное. Сотни лет оказалось недостаточно, чтобы научить мертвую кухарку приличным манерам.

Первые три круга сыграли молча.

Слова им теперь почти не требовались. Вдумчивый наблюдатель сумел бы разглядеть в игре нечто большее, чем ежедневный ритуал. Призраки явно спорили о чем-то. Их позы, мелкие жесты, взгляды, которые они бросали вокруг.

Наконец Голос из Тени поднял карты и тут же перевернул их, показывая свой расклад. Остальные поступили так же. Лорд Тангейзер с сожалением смотрел на полную кровавой масти руку.

– Две руки остались в колоде. – Голос начал с очевидного. Они могли по-разному относиться к леди Зеленое Солнце, но ее кончина приближала финал каждого из них. Когда-то их было больше тридцати. Точного числа не помнил никто.

Первыми на корм твари пошли случайные гости того жуткого вечера. За ними – прислуга. Мириам Дутль помнила, как она кричала, пыталась удержать горничную Бетти, но зло тогда было сильным, не в пример мощнее нынешнего жидкого тумана. О, тварь оказалась разборчивой! Всех виновников она оставила на сладкое. Пиршество растянулось на годы.

И когда призраки пришли к единственному общему выводу – зло им не победить, они решили сбежать. Никакой мести и отчаяния. Сухой расчет. Жажда убийства засохла в первые годы заточения. Ничто так не смиряет, как бестелесное ожидание смерти.

– Я знаю мало ростков, – Голос показал всем червовую четверку. – Старший сегодня ушел в пас, – одним сердцем он наколот карту на подсвечник.

– Шшшш, – Круел Райт ткнул пальцем в сторону дверного косяка. Взгляды скрестились, как клинки. Тишина молитвенно сложила руки и сомкнула веки. Минуту все мучительно пытались разглядеть, что увидел там Райт. Потом таракан показался.

– Делаем ставки, – Фан-Дер-Глотт подбородком показал на перья, разбросанные по столу. В отсутствие чернил приходилось макать их в раствор ржавчины, толченого угля и пороха. «Потусторонние чернила, замешанные на вое и гроыхании цепей!» – насмеялся Душекрад, единственный, кто умел их готовить. Призраки много чему научились в своем замке Иф.

Торопливо расчеркали карты, леди Пустое Семя взялась тасовать.

Они рисковали. Никто не понимал, сможет ли тварь прочесть их каракули. Умеет ли оно читать?! В любом случае заговор пах скверно.

Карты разлетелись, как приговоры.

Лорд Холдсток вчитывался в кривой частокол строчек: «Заманить еще одного... его силой выкопать останки...» – опасная глупость, наверняка писала Чиз.

Кухарка шурилась и пыталась по слогам разобрать ажурную вязь аристократического почерка: «Выжить. Любой ценой. Добывать ему крыс, кошек. Детей! Заплатить их жизнями». Чиз замутило от такой низости, но она услышала в себе тонкий одобрительный писк. У нее была робкая щенячья душа.

Мириам Дутль не стала читать. Ей достались надписанные ею самой карты. Все равно на них не было ни слова правды. Что-то о чести и принятии собственной участи. Лицемерная попытка казаться лучше своего замысла.

Охотник кривился: «Мы обязаны ему подчиниться и тем самым искупить грех. Дать ему все, что он просит. Стать ему верными слугами и палачами!»

Голос из Тени читал корявую, сочиненную на колене считалку: «Раз-два-три, глаза скорей протри. Четыре-пять-шесть – хочет тебя съесть. Семь-семь-семь – убегай совсем. Восемь-девять – надо больше верить. Десять-десять-раз – свет совсем погас». Она не казалась Голосу смешной. Интуиция твердила, что среди них скрывается предатель. Но продался тот недавно или служит много лет – Голос терялся в догадках.

Леди Пустое Семя улыбалась: «В сущности, наши дети заслужили ровно то, что сделало их отцов тучными и уверенными, мор, глад и казнь души. Ибо месть Небес – кара, не знающая границ и совести».

Остальным достались совсем уж корявые призывы и моления.

Тараканы бегали по столу. Их лапки шелестели о брошенные карты.

Зло торжествовало.

Заговор был смешон.

Стены из детских криков

Люк Комптон глотал слезы.

Они походили на кубики льда и намертво застревали в горле.

Приговор мальчика самому себе был крайне суров для тринадцати лет от роду.

Убить или умереть, пытаюсь.

Люк нашел дохлую тайну, оживил ее, и бездна начала смотреть в него, а он, полуживой от страха, проболтался старшей сестре.

Комптоны еще верили, что Шейла непременно найдется, но мальчик был безутешен.

Дом забрал ее, и Люк, несомненно, являлся тому причиной и виной.

В рюкзаке лежали цветные мелки и уголь. Острые, как оружие.

На случай, если они не помогут, Люк запасся двумя бутылками с керосином и коробкой охотничьих спичек.

Люк стоял, обнявшись с Кривым Носом, и не хотел отрывать рук от морщинистой, похожей на задубевшую кожу деда, коры отца-дерева.

Он вспоминал, как приходил в дом после уроков.

По засохшему плющу залезал на второй этаж – плетеная лестница могла выдержать только такого кутенка, как он. Долго вслушивался в ворчание дымохода. На чердаке кто-то жил, Люк знал это со всей определенностью и никогда не искал встречи с этим постояльцем. Чутье подсказывало ему часы, когда дом был внутренне пуст и благодушен.

Люк не ладил с сестрой. Шейла делала слишком много глупостей и хотела одновременно казаться принцессой из сказки и крутой современной девчонкой. До драк дело не доходило, но и дружбой особой не пахло. В дни, когда Шейла приводила домой подруг, Люк с особой радостью сбегал на свои вернисажи в дом.

Тот играл с ним в карусель.

Казалось, Люк стоит на месте, а стены вращаются вокруг него, показывая волшебные картины. Каждая исполнена огненными красками, она поджигала обои и оставляла обугленный след. Морок расслаивался и сползал на пол размокшей картонной оберткой. Люк обрывал обои и обнаруживал под ними тонкий, едва заметный контур, который ждал, пока мальчик оживит его.

Руки не знали усталости.

Иногда Люку казалось, что кто-то подсматривает за ним из-за плеча. Он даже чувствовал любопытное дыхание, но никогда не оборачивался. Он верил – у них договор: Люк заполнит пустоту дома смыслом и жизнью, а тот взамен...

Шейла шла за братом от самой школы.

Нетерпеливая, как кипящая вода, она дождалась-таки, когда он полезет вниз, и сдернула за шиворот на землю.

– Ты там что-то прячешь, – Шейла соображала ничуть не хуже брата.

– Я полез туда в первый раз, – растерянность Люка была почти всамделишной.

– Лгунишка, – Шейла покачала головой. – Что там? Скажи, и я отстану.

Люк насупился, в голову лезли самые разные мысли, но одна, навязчивая, как заноза, никак не желала уходить: это его дом, и терять его Люк не намерен.

– Я выслеживаю здесь чудовище! – осенило Люка. Девчонки ведь боятся всякой нежити?!

– Брось, – захихикала сестра, но как-то неуверенно.

– Это особняк мэра Холдстока. Никто не живет в нем уже сто с лишним лет.

– Почему же его не снесли?

– Здесь был музей, а до этого жили дальние родственники.

– И теперь храбрый следопыт Люк Комптон выследил здесь адское порождение тьмы! Откуда ты так много знаешь про эту развалину? Ты точно лазал сюда до этого, – Шейла торжественно рассмеялась. – Попался-попался, неумеха.

– Оно живет в подвале, – Люк говорил с какой-то мрачной торжественностью, почти декламировал. – Жрет крыс и кошек. Придет самая темная ночь, оно выберется оттуда и погубит весь город.

– Перестань.

– Хочешь его увидеть? Спустись в подвал, – Люк откровенно торжествовал. Вечер стискивал руки облаков на горле заката. Дом казался черной птицей, сидящей на черепе холма. От слов мальчика веяло необъяснимой жутью.

– Глу-по-сти! – Шейла была упряма и не могла уступить брату.

– Проверь сама.

Шейла закусила губу и посмотрела на черный силуэт, вырезанный на цветной бумаге оранжевого неба. Гордость боролась в ней со страхом. Насмешливый взгляд брата подталкивал в спину. Шейла подошла к плющу и с сомнением подергала за него. Тот казался прочным.

В паре метров над землей сухие лианы не выдержали ее веса, и сестра упала наземь. Люк покатился со смеху, Шейла надавала бы ему по ушам, если бы в тот самый миг не услышала, как кто-то цокает ногтем по перилам в подвале. Зовет ее.

Она уходила от дома, но стук не отпускал Шейлу.

Он звал ее на ту сторону зеркала. Обещал. Уговаривал. Ценил.

Со следующего дня Шейла стала пропадать в городской библиотеке.

Люк облазил весь дом, но не нашел в него другого входа. Обе двери были надежно заперты, а решетки прочны.

По ночам его мучили кошмары. Дом страдал без его картин. Незаполненные пустоты набухали пузырями и лопались. Из них потоками лились тараканы и покрывали пол волнующей, аплодирующей толпой. Злоба и желание убить Люка искажала их крохотные человеческие лица.

Однажды ночью кошмар захватил его врасплох, тараканы накинудись на него, и Люк вынырнул в свою постель, задыхаясь и всхлипывая.

Шейла о чем-то рассказывала подругам. Как раз сегодня они ночевали у Комптонов.

– В этом доме кое-кто живет, – вещала сестра самым внушительным голосом, на который была способна. – Я ходила в подвал и видела его там!

– Кого? – взвизгивали подружки.

– Кто-нибудь хочет пойти туда со мной?

Душекрад

Уильям Стивенсон – наследник больших талантов и надежд – слыл человеком низким. Несмотря на заботу матушки и презрительное, но щедрое расположение отца, еще мальчишкой он любил подлые дела.

Особое удовольствие доставлял обман.

Уильям обставлял его с особым, одному ему свойственным шиком. Душа требовала артистической тонкости и драматического размаха.

– Верно ли рассказали мне эти добрые юноши, что ты принудил их украсть записи по латыни девицы Дутль и вылить на них чернила?

– Это ложь, святой отец! Я отговаривал их и даже пытался силой отобрать тетради.

– Ах ты, вонючка!

– Отрок, не оскверняй свои уста и мой слух.

– Святой отец, он наговаривает на нас!

– Мне нет нужды доказывать свою безвинность, однако скажите, если я вас обманываю, отчего мои руки чисты, а их – в чернилах?

Уильям привел братьев Хоуп, глуповатых и тощих, на задний двор школы. Напялил на голову и плечи капюшон из мешковины, перемотал толстой тканью запястья и потребовал от подельников кровавой присяги.

– Руки резать? – ужаснулись братья, взглядываясь в прорези мешка. Стивенсон походил в нем на карлика-палача.

– Иначе жаловаться побежите или от страха в штаны наделаете.

Братья наперебой клялись в верности и бесстрашии. Уильям предлагал им жуткие вещи: повесить чучело, будто давленника, над воротами школы или украсть у вдовы Дуглас ее дневник – «С сатанинскими виршиами!» – стращал поганец. На худой конец, вывести на чистую воду ведьму Мириам Дутль.

Приговор ведьме казался меньшим злом.

Уильям разработал целый план, в котором фигурировали: слежка, изъятие тайных записей, захват ведьмы, угрозы хладным железом, укрощение огнем, стальная купель и распятие.

Братья бледнели и давали добро на слежку. Максимум – на уничтожение записей. Уильям мерзко кукарекал:

– Трусы-трусы-трусы! – Подельники ненавидели себя, спрашивали по тысяче раз в день, что за властью обладает над ними этот мерзавец, но слушались.

Кровавую присягу в последний момент заменили на чернильное причастие.

– Клеймение отвагой! – провозгласил Уильям и развернул знамена похода против ведьмы.

Братья должны были пробраться в здание гимназии для девиц, выкрасть их тетради по латыни. Те нетрудно было найти. Латынь у мальчиков и девочек преподавал один и тот же учитель – длинноносый сутулый Ламис, прозванный Спицей, имевший привычку оставлять чернильные пометы на бумажной обложке тетрадей. Братьям Хоуп надлежало прокрасться в комнату учителей, найти пачку тетрадей Ламиса, отыскать нужную, распять на полу и красными чернилами зачеркнуть несколько латинских слов, призывающих Антихриста в их маленький городок. Братъев трясло от богохульства.

– Святой отец, он призывал Нечистого на наши головы!

– Отрок! Следи за своим языком. На ночь прочтешь десять раз «Ave Maria» и «Pater Noster».

– Почему вы ему верите?

– В семье Стивенсонов сроду не были лжецов и богохульников. Кроме того, вы сами знаете, что его не было с вами.

– Но именно он...

– Подговорил вас? Отчего же тогда он провел вечер, утешая девицу Дутль?

Братья Хоуп ненавидели Уильяма искренне и жарко и радовались, что теперь он больше не сможет крутить ими. Тем же вечером он пришел к ним во двор. Братья не открыли дверь и мрачно смотрели из окна.

– Знаете, что в доме на холме по ночам видят огни в окнах второго этажа?

– Жри сам свои байки! Нам без разницы. Убирайся!

– Слыхал, вдова Дуглас вынесла свой дневник из этого дома.

– Тю-тю-тю, выдумай чего посвежее.

– А если там сдохну, расскажете моим родителям?

– Вот еще.

– Что приходил к вам, звал с собой, а вы обоссались?

– Слабо-слабо.

И тут с Уильямом произошла разительная перемена. Глаза налились серьезностью, даже болью, нос заострился, тень от него косо разделила подбородок, будто шрамом.

– Я не шучу, – глухим, выплаканным голосом произнес он. – Что-то тянет меня туда. С вами или без вас, нынче ночью я туда полезу. Не вернусь, расскажите отцу, пусть спалит это гнездо дотла.

У стены, окружавшей дом, братья Хоуп пришли в себя. Неведомым чудом Уильям Стивенсон опять впутал их в какую-то дрянь. Ветер облетал дом стороной, луна гладили его по фасаду, нащупывая отдельные кирпичи и выбоины. Несколько лет особняк стоял холостяком. Окна второго этажа чернели битыми оскалами. Никто не помнил, отчего хозяева забросили его и почему никто не пытался заселиться в эти хоромы.

– На второй этаж не забраться, но дверь во флигель открыта, – шепотом поделился Уильям. Братья послушно поползли вокруг дома. Ни один из них не задал вопроса: откуда Стивенсон все это знает?

Внутри пахло пылью и старой бумагой.

– Сюда, – Уильям ткнул пальцем в едва заметную щель под лестницей и пропустил Хоупов вперед. И опять никто не заметил, как сильно трясутся у Стивенсона руки.

Ступеньки жаловались в такт шагам.

Это приключение казалось братьям жутковатым, но очень захватывающим. Они переговаривались вполголоса и даже хихикали.

– Зажгите свечи, – прошипел из-за спин Уильям. – Там темно!

Его зрачки расширились до предела, сердце мешалось в груди, а совесть напоминала кислоту, разлитую по внутренностям. Мальчишка всхлипывал и зажимал рукой рот.

Братья вступили в подвал. Огромные тени от свечей скакали по стенам, как рисунки первобытных людей. Взгляды Хоупов приковала дыра в полу. Тот был разворочен, из него торчали какие-то корни, жгуты и палки. Высоко над дырой возвышался кусок человеческого скелета. Плоть свисала с него кровавой гирляндой. Трупы людей – запах подтверждал, что все тела в подвале неизбежно мертвы! – лежали вокруг дыры, наваленные кучей.

Вонь перехватила дыхание братьев. Жгуты на полу зашевелились, и то, что Хоупы приняли за человеческий костяк, начало шевелиться. Над дырой всплыла голова на длинной шее. Вслед ей зашевелилось гибкое, похожее на громадную птичью клетку тело, внутри которого колыхались и перекатывались сизые внутренности. Чудовище подобралось.

И все время, что тварь текла к братьям, они не могли поверить, что это происходит на самом деле. Здесь. Сейчас. С ними.

Крик распорол уши Уильяма, как бы тот ни силился их заткнуть, и звенел, надрывался, дллся, пока мальчик не начал вторить ему, тонко, безнадежно, отчаянно.

В тишине Уильям услышал, как тварь с треском отдирает что-то от тел.

– Забирай, – проскрипела она. – Твое. Заслужил.

О стену шмякнулись два тонких мальчишечьих силуэта и скорчились на ней рваными карандашными набросками.

– Приведи мне еще детей.

Уильям облизнул растрескавшиеся губы.

Пять мальчиков и две девочки потребовались городу, чтобы вызвать королевского инспектора – лорда Холдстока. Ему суждено было победить зло и стать новым мэром.

Но никто не запомнил имен пропавших детей. Не знаем их и мы. Говорили, у них украли души.

Стены из детских криков

Чердак дышал изменой.

Дом насытился постояльцем, звучал им, позволял любому внимательному слушателю опознать его дыхание и стоны. Человек внутри спал или был болен.

Люк размышлял, прижавшись к стене.

Никто не знал дом так хорошо, как он.

Другого благоприятного случая не представится. Люк поставил на кон слишком многое – благополучие сестры и уже проиграл! Беглые слова-арестанты обернулись тяжелой расплатой.

Задняя дверь. Люк двинулся вдоль дома, не отрывая пальцев от стены. Прошел мимо подвального окна – отогнутая решетка! Люк решил наклониться и заглянуть туда, но от одной этой мысли ужас скользнул ему в глотку и закружился в животе острой холодной спиралью.

Дверь во флигель скрипела, покачиваясь на одной петле.

Дом шепелявил, приоткрыв пасть.

Люк скинул рюкзак, рассовал по карманам мелки и уголь, скрутил крышки и понюхал керосин. Ноздри оцарапало запахом. Аккуратно, решительно, но без спешки Люк плеснул из бутылки на пороге и потянул в глубь дома зажигательный язык. Вторую бутылку Люк сунул за пояс брюк и затолкал поверх нее рубашку, чтобы не выпустила емкость. Щелкнул кнопкой налобного фонарика.

Дом почувствовал вкус керосина, как больной, глотнувший горькой микстуры. Что-то сдвинулось во тьме, мальчик ощутил это особенно остро, потеряв человека на чердаке. Люк больше не чувствовал его.

Медлить было нельзя. Люк подскочил к ближайшей стене и быстро-быстро зачиркал углем. Ему не хватало времени на что-нибудь красивое или четкое. Богам годились наскальные рисунки, сработают и сейчас. Люк рисовал человека: мужчина, длинные седые волосы, горб. Врага окружили мальчишки и загоняют в дыру в центре композиции длинными копьями. Художник сменил уголь на мел. Цвет затопил дыру кровью. Мальчишки усилили напор. Мел взвизгнул, вспоров стену. От центра импровизированного холста потянулись кривые трещины. Мир лопнул, когда одно из копий пронзило горбуна. Картина обрастала деталями. Из раны струились ленты тумана. Люк тяжело дышал. Свет скакал по стене упругим оранжевым мячом.

Мел скользнул по чему-то мелкому и размазал его в липкое пятно. Тут же по второй руке, которой Люк опирался о стену, прошлепали крохотные лапки. Он вскрикнул и отшатнулся. Стена шевелилась. Тараканы расплозились по ней живым, зловеще разумным пятном. Шаги на втором этаже ударили по нервам жутким грохотом, и тут же кто-то бросился на Люка, сшибая его с ног.

Он покатился по полу, рубашка задралась, бутылка с керосином вылетела и покатила в темноту. Люк задохнулся от боли в спине. Ему казалось, что кто-то наступил на грудь и пытается вместе с дыханием выдавить из него жизнь. Луч фонаря метался по потолку, Люк силился подняться, но невидимая нога продолжала вжимать его в пол, а шаги бухали по лестнице, будто кто-то большой, пьяный или крайне неловкий пытался спуститься вниз и разорвать на части глупого художника.

Дом шипел, возбужденное животное. Отовсюду неслись какие-то скрипы и рычание. Люк чувствовал, как по шее ползут тараканы. Один взбежал по щеке и остановился – разведчик, изучающий поле боя. Люк видел его, скосив левый глаз.

Шаги на лестнице ненадолго замолкли. Перила заскрипели и треснули. Кто-то навалился на них всем телом. Люк не видел этого, но один из мальчишек на его рисунке резко развернулся и метнул копьё. Угольная зазубрина сорвалась со стены и вонзилась в плоть. Человек на лестнице пошатнулся. Мужчина на картине одним ударом оторвал голову обезоруженному

мальчишке. Остальные утроили напор. С лестницы донесся сдавленный вопль, кто-то с грохотом скатился по ступеням и рухнул на пол.

Сила, державшая Люка, ослабла. Он резко дернул головой и попытался перекатиться на бок. Боль отдалась во всем теле, правый бок особенно пострадал. Фонарь съехал Люку на нос, руки дрожали, и он не сразу сумел его поправить. На полу, под самым рисунком, скорчившись и скребя ногами, лежал мужчина. Люк видел глаз, отражавший свет фонаря. Человек хрипел и пытался приподняться на локтях.

Боль – ослепительная вспышка! – разорвала ночь слева от Люка. Он рухнул на пол так, что прежнее падение показалось ему сказкой. Плечо, голова, колено – Люк закричал и не смог прервать этого крика.

Фонарь отлетел в сторону и крутился на полу, приглашая на танец дикие тени. Люк слышал, как страшный постоялец ползет к нему. От врага вкусно пахло мятой и отчаянием. Боль чудовищно обострила обоняние Люка. Керосин казался изысканными духами, пальцы творили волшебство, копошились в кармане, сами собой играли на фортепиано застежки, дирижировали оркестром, на ощупь подбираясь к коробке, спотыкались, ломались, упрямились, но, наконец, вышли на финальный поклон и разразились фейерверком.

Спичка зашипела, Люк услышал, как сотни тараканов настороженно задрали усы. Он едва сумел поднять руку над полом и швырнул огонь туда, где надеялся встретить керосиновое озеро.

Внезапно стало почти светло.

Люк услышал, как хрипло заорал мужчина. Боль, страх, тараканы – все мгновенно отошло на задний план, когда он услышал этот дочеловеческий вой. Люк сумел перевернуться на живот и увидел, что враг срывает с себя куртку, ему не до мальчишки, дом поджал ноги и шипит, расползаясь по двери и косякам лопнувшими пузырями краски. Тараканы вспыхивали и корчились. Люк увидел вторую бутылку. Она лежала совсем близко, протяни руку и хватай. Люк свернул ей горлышко и метнул в спину мужчине. Бутылка отскочила от него, но залила все вокруг керосином. Враг не успел потушить первый пожар, как огонь зашел ему в тыл.

Постоялец на миг обернулся, и от одного его взгляда боль распорола Люка от шеи до паха. Боже, какой он идиот! Только теперь он увидел, что отрезал себе путь к отступлению. Единственный выход из дома был перекрыт огнем и тем, кто пытался его потушить.

Люк схватился за стену, заставил себя встать и похромал вглубь дома.

Игроки в загробный покер

Когда Гордон Бёрн ударил ребенка, рядом находилась только Леди Пустое Семя. Она стояла, раскрыв рот, и смотрела, как охотник кидается на мальчишку и сбивает на пол.

Леди куда сильнее интересовал рисунок на стене. Она видела, как отчаянно, без надежды бьются угольные дети, но сердце не испытывало и тени надежды. Этот раунд неизбежно выигрывало зло. Вот тень, будто списанная с Душекрада, перехватывает копье, ломает его и обломками древка перерубает еще одну мальчишечью шею. Тени сбиваются в кучу. Копья торчат, как растопыренные пальцы, но тварь уже не боится их. Она смакует момент.

Гордон Бёрн придавил коленом мальчишку. Кулак охотника изготовился проломить детский череп. И тут опомнилась Леди Пустое Семя. Она развернулась и с жестокостью, поразившей ее саму, впечатала носок туфли в затылок Гордона.

Никогда прежде они не дрались.

Что толку? Убить друг друга призраки не в состоянии, травм после смерти нет, а добрая оплеуха не вызывает ровно никакой боли.

Толчком – взрывом?! – обоих расшвыряло по углам комнаты. С верхнего этажа вывалился и распластался на полу слуга твари – Винни. Мальчишка еще дышал. Леди Пустое Семя, оскалив зубы, смотрела, как поднимается ее противник. Гордон не скрывал шока.

– Ты что творишь, ссссссссссуу...

– Предупреждаю вас, – рявкнула сухопарая Леди. – Одно бранное слово, и я выцарапаю вам глаза.

– Я забуду его до смерти, – охотник пытался договориться. – Он же не из ваших?

Вопрос неожиданно остро задел забытые струны. Она даже не помнила, когда в последний раз переживала по поводу детей.

– Перестаньте! – отмахнулась она. – Оставьте мальчишку в покое!

Но Гордон Бёрн был очень наблюдателен.

– Это же вы, – припомнил он. – Ваше имя – Пустое Семя – на вас прервался род!

– Подонок!!! – призраки не умеют краснеть, иначе Леди залилась бы самой вишневой краской.

Винни валялся и стонал. Люк пытался отползти.

Гордон шагнул в его сторону и без размаха двинул по лицу.

– Тронете еще раз... – повторила Леди Пустое Семя самую бесполезную из всех угроз, но мальчик и не думал прятаться за ее спину. Спичка оставила в воздухе сияющую параболу. Керосиновая лужа полыхнула прямо под ногами охотника. Тот наклонил голову и оценил ловушку.

– Фан-Дер-Глотт! – завопила Леди. – Лорд Холдсток!

Призраки толпились у коридора в холл. Огонь разделил их – Тень и Вопросы.

Гордон Бёрн стоял по ту сторону пламени и не собирался сдаваться. Лорд Холдсток вышел к нему. По его лицу читалось, что он не знает верных слов, а остальных боится, как отравленных кинжалов. Неосторожное движение, и сам булькаешь желтой пеной и чувствуешь, как твои кости завязываются мягкими узлами.

Винни сражался с пожаром.

Мальчишка соскреб себя с пола и исчез в соседней комнате.

– Объяснитесь, – холодно потребовал Гарольд Холдсток.

Гордон Гори-не-Сгорай

Поместье горело всю ночь.

Остов дома тлел, из хлева еще валил жадный дым.

Охотник наблюдал за ним с холма и не собирался приближаться. Это он поджег ранчо. Тщательно, как подходил к любому делу: пробрался в дом в полнолуние и проткнул осиновыми кольями всех домашних, включая детей и слуг. Перенес тела в одну комнату, методично отрубил головы, пересчитал трупы и помрачнел. Не хватало двоих. Внука и дряхлой старухи. Пяти и восьмидесяти пяти лет. Лучшие люди друг для друга.

Охотник подозревал нечто подобное.

Картины в доме, вернее, их изнанка о многом рассказали ему. Гордон чувствовал, что древний враг пустил где-то здесь свои корни. Или это одна из остановок на его бесконечном пути?

Бёрн огляделся, словно природа могла открыть ему глаза, вывернуться наизнанку, где любой ответ лежит на поверхности. Пейзаж вокруг был настолько кастрирован и ободран, что охотник испытал крайне правдивое чувство собственной ущербности.

Мысли поглотили его, и Гордон утратил бдительность.

Капли дождя скользнули по лицу. Охотник полез в мешок за плащом. В этот момент две тени выскользнули из дымовой завесы, разделились и помчались вверх по склону, прячась в тени фруктовых деревьев.

Бёрн натянул плащ и тут же увидел мелкую, атакующую, не открывшую еще рот, но уже начинающую кричать тень. Мальчик мой. Охотник встретил его в воздухе. Ребенок буквально приземлился на его трость. Из горла нападающего раздался тихий скрип, и он сполз на землю.

Живой! – по дыханию определил Гордон и до рези в глазах принялся всматриваться в обугленные руины. Где же ты?! Где?! Ну?!!

Мальчишка несколько раз всхлипнул у его ног и застыл. Жизнь выползла из ушей и ноздрей тонкими жемчужными нитями. Гордон наклонился и учуял стойкий трупный запах. Только теперь он увидел обширные пятна разложения, покрывавшие кожу ребенка, как острова карту новой земли.

Не прячась и не таясь больше, охотник спустился к дому и нашел две пары свежих следов. Они расходились у дома и неслись в разные стороны. Одни спешили вверх по холму, отвлекая охотника от истинной цели. Другие сбегали, пряча за пазухой смерть и проклятие.

«Футляр! – проклинал себя Гордон Бёрн, лучший из лучших, загонщик, мертвила, обдира-тель, разглядывая глубокие отпечатки на остывающем пепле. – Подделка! Кукла! Она очень сильна. Она почти Ил-Шрайн».

Дождь глумился над гончей.

Следы на траве пропали, но Гордон в них не нуждался. Охотника ведет чутье.

Он вернулся на пепелище и искромсал для верности несгоревшие дотла скелеты. Не оставляй врагу ни шанса.

Человек по имени Свет

Лайт Филлсон не готовился к столь позднему визиту.

Он уже принял душ, закутался в халат и раздумывал, съесть на ночь глядя еще тушеной курятины или ограничиться коржиком с маслом. Муки выбора прервал долгий, не терпящий отлагательства стук в дверь. Лайт намеренно не имел звонка, притворяясь временами, что не слышит, когда надоедливая соседка звала помочь с забором или засунуть мусорный пакет в бак у дороги.

Стук не знал отказа. За первой дробной очередью последовала вторая. Лайт обеспокоился, и тут новая барабанная дробь прямо-таки подбросила его. Теперь стучали в окно в спальне. Там горел свет.

Лайт положил в карман отвертку – «Только суньтесь!» – и пошел открывать.

Ночь стояла сухая и теплая. С волос гостей натурально текло, будто они только что попали под ливень.

– Позвольте? – первый отодвинул плечом Лайта и протиснулся мимо. Дама хихикнула и ловко просочилась следом. Лайт окаменел. За хамством незванцев чувствовалась сила. Его, Лайта, должок.

Мужчина сразу прошел на кухню. Лайт шел за женщиной и слышал, как гость звенит посудой, очевидно, накладывая себе еду.

Никогда прежде Лайт не сталкивался с такой трезвостью мысли. Рассудок вспарывал ситуацию, как скальпель: «Это враги. Они убьют тебя, если не успеешь первым! Не жди, не вяжись, бей!» Отвертка сама собой выплыла из кармана и легко, будто всю жизнь это делала, полетела к незащитной шее женщины, туда, где локон из ее прически лежал легкомысленным завитком, между ухом и воротником кофточки.

Женщина обернулась так же прозрачно и невесомо. Улыбка на ее губах была настолько нежной, что Лайт расчувствовался в ответ, и его тут же несколько раз приложили лицом о стену, туалетный столик и об пол. Отвертка отлетела под диван. Перед глазами качнулась аккуратная юбка гостыи, целомудренно прикрывающая колени. Та же сила, что перехватила руку Лайта, стиснула его запястье, рванула и втащила на кухню.

Мужчина сидел на краю стола, закинув нога на ногу, и ел прямо из кастрюли. Только теперь Лайт обратил внимание на его зубы – «Жуткая пасть, как я не разглядел ее раньше?!» – рот был полон рыболовных крючков.

– С молодым человеком полный порядок, – жуя, сообщил мужчина. – Его осмотрели. Никакой опасности для жизни.

Женщина по-прежнему держала Филлсона на полу, туфелькой легонько прижимая его ногу.

– Обещаете не дергаться? – гость облизал свои чудовищные зубы. Лайт несколько раз кивнул. В нем проснулась какая-то собачья преданность. Попроси мужчина залаять или сбегать за парой пива, он немедля выполнил бы.

– Дверь, – бросил мужчина, и Лайт оказался свободен. Каблуки процокали за спину, и оттуда послышался звук закрываемых замков и бряцание дверной цепочки.

– Мы решили не дожидаться утра, – покупатель вынул платок из нагрудного кармана и преувеличенно тщательно вытирал подбородок и губы. – Вы должны подписать бумаги на сделку прямо сейчас.

Лайт дернулся и ощутил затылком, что леди вернулась и в любой момент готова размазать его по первой, подходящей для этого поверхности.

– Торга не будет. Условия нам известны. Мы согласны. Деньги будут завтра же переведены на ваш счет. С достойными комиссионными, разумеется, – покупатель склонил голову, и Лайт припомнил, что сравнивал его с упырем, кровожадной тварью в обличье человека.

– Мнэээээээ, – заблеял Лайт, и дама положила ладонь ему на плечо.

Покупатель хмурился. Филлсон понял, что невольно пытается поймать его взгляд, но страшный человек намеренно уводит тот в сторону, смотрит куда-то мимо щеки Лайта, заставляет думать не о деле, а о том, что покупатель видит за его спиной.

– Вам незачем думать.

– Признаться...

– У вас там свой интерес? – закончила за него дама. Ее шепот обжег ухо Лайта, по шее побежали мурашки.

– Да.

– Вы родственник одного из хозяев особняка? – агент видел, как напряглись оба покупателя, сжался и соврал наобум:

– Да.

Обоих гостей будто подменили: мужчина спрыгнул со стола и стал непритворно ласков, дама отодвинулась от него, отошла в угол и уселась в кресло. Покупатель помог Лайту подняться с пола и даже отряхнул халат от мелкого мусора.

– В любом случае, – предупредил он, – решать нам!

– Безусловно! – нацепил профессиональную маску Лайт. – Покупатель всегда прав.

Дама потеряла к нему всяческий интерес, сидела и разглядывала на просвет свои роскошные ногти. Лайт заметил их только что. Точеные, с черной инкрустацией, ногти напоминали фамильное оружие.

– Вам много удалось узнать?

«Только ее имя, – прошипел внутренний Лайт. – Но тебе, говнюк, я его не скажу».

Чужак читал с лица, как с бумаги:

– Не доверяете?

– Что вы?! – съязвил Лайт. – Как можно?! Ворвались ко мне посреди ночи, поставили на колени, съели мой суп.

– Курица.

– А?

– Я ел тушеную курицу.

– Тем более! – Лайт задыхался от обиды. Страх медленно вползал ему под кожу. Он вовсе не понимал правил игры, в которую впутался. Пока его вела удача. Одно неверное слово, и дамочка вобьет ему каблук в горло.

– Остыньте, – приказал гость, и Лайт немедленно подчинился. На него в упор смотрели два врага. Они пришли, чтобы забрать дом. Случайность, что Лайт еще дышит. Монетка, вставшая на ребро.

– Утром, как только откроется агентство, я оформлю все документы, – отчеканил Лайт, мысль бешено работала, но выдавала исключительно холостые обороты. – Затем мы посетим дом, и я отдам вам ключи.

– Зачем еще раз дом? – насторожились покупатели.

– Такое правило, – вдохновенно врал Лайт. – Ключи передаются в присутствии полиции.

– Глупости, – оскалился мужчина, демонстрируя запредельную улыбку.

– Закон, – пожал плечами Лайт. Он сам верил всему, что говорил. Иначе не продать!

– Соврешь нам, – Лайт не заметил, как женщина опять оказалась за его спиной. Она прикусила его загривок и легонько потянула на себя. По шее потекли тонкие струйки, Лайт чувствовал, как натягивается и лопается кожа, и больше всего на свете боялся, что сейчас один из крючков застрянет!

Потом Лайт упал.

Шаги проворчали мимо. Замки прозвенели колокольчиками. Хлопнула дверь, и хозяин остался один. Дом напоминал девушку, взятую силой. Сбитый ковер, рассыпанные чипсы, мелкие капли крови. Лайт прижал руку к шее, сел и набрал в грудь воздуха, чтобы протяжно, выгоняя тошноту и страх, застонать...

Дверь стукнула еще раз.

В поле зрения стремительно ворвались брюки покупателя.

– Совсем забыл, – он ткнул небольшим свертком прямо в лицо Лайту. – Ты догадаешься, что с этим делать.

Лайт проводил его взглядом, но не стал вставать. Подарок был размером с крупный грейпфрут. Лайт разодрал плотную бумагу, завозился с внутренней, пористой упаковкой, пальцы нащупали что-то, мерзостно знакомое, но мозг отказывался верить. Наконец, сдалась и вторая обертка. Лайт взвесил на руке человеческий череп и швырнул его через всю комнату об стену.

Череп треснул и укатился под стол. Но даже отсюда Лайт видел, что, вместо нижней челюсти, из него торчат окаменевшие щупальца, точно погибший был не человеком, а медузой, неведомо как получившей человеческую голову.

Крик наконец-то прорвался сквозь страх и отупение, и Филлсон не смог остановиться. От вопля трещали зубы. Лайт подобрал отвертку и набросился на череп. Каждый удар откалывал куски окаменевшей кости. У черепа почти не было зубов, но Лайт убеждал себя: «Эта гадость смеется надо мной! Посмотри, как она скалится!»

Эффект Доплера

«Если в подвале живет зло, не забудьте его покормить!» – будь у Сэма Доплера родовой герб, он сделал бы эти слова своим девизом.

Жена детектива сошла с ума много лет назад. В ее снах все время убивали детей. Сэм Доплер выбрал жену по строжайшему расчету. Любовью здесь даже не пахло.

Дело об исчезновении ребенка – таким не шутят. Полиция бросает все силы, включая волонтеров и дружинников, чтобы отыскать пропавшее дитя. Скверно, если вместо грязного рыдающего мальчика находят тело в лесу или канаве.

Барбара Каннингем родилась в психушке. Дочь санитары и душевнобольной. С первого года жизни на ней поставили жирный крест – обостренная шизофрения. Нерушимый диагноз. Мама не вынесла урока судьбы и повесилась в туалете.

Сюда привозили безнадежных.

Больница принимала детей со всей страны и была на отличном счету. Те, кто со временем находил тропинку к разуму, не жаловались на плохое содержание или побои. Здесь доброту кормили и гладили по голове.

Мало, кто умел рассказывать свои галлюцинации так увлекательно, как Барби. Девочку обожали. Медсестры тайком приносили для нее заварные пирожные и подслушивали в ночную смену, как она убаюкивает нежным, срывающимся от вдохновения голосом всю палату.

В тринадцать Барбару пришлось изолировать. Она выломала стальной прут из спинки кровати, проткнула им доктора Литтла, пересчитала ребра двум санитарам и все время кричала, раздирая глотку одним только именем: «Сара!»

Несчастную нашли через три дня. Ее руки были туго стянуты полотенцем, ноги примотаны друг к другу и согнуты в коленях. Девочка лежала в дальней камерке, за гимнастическим залом. Когда-то здесь хранили маты и прочий инвентарь, а теперь царствовала пыль. Смерть чувствовала себя здесь отлично!

Девочка была абсолютно нага, но к ее девичеству никто не притронулся. Врач, что нашел тело, рассказал только директору. Исчезновение Сары списали на побег. Перед директором в полный рост встали две проблемы: тело и убийца.

Несчастному доктору пришлось делать вскрытие, хотя он не прикасался к умершим со времен медакадемии. Его профилем была клиническая психиатрия. Страх вывернул врача наизнанку. Он настолько боялся, что история станет достоянием общественности, что решил сам докопаться до истины и найти мерзавца. Что он собирался делать потом, было загадкой для него самого.

Нож подтвердил гипотезу, высказанную во время внешнего осмотра: ребенка душили. Долго, старательно. Отпускали удавку, позволяли судорожно глотнуть воздуха, травили надеждой и вновь передавливали горло.

«Сара! – билась о пухлые стены Барби. – Сара!»

Ее затыкали. С побегом не шутят! Случай решили похоронить.

Впервые, с момента, как девочка начала говорить, люди не хотели слушать ее сказок.

Знать правду.

Барбара плевалась и каталась по полу. Смирительная рубашка сковывала руки. Барби не могла даже написать, что видела! Все забрызгала бурым – девочка прокусила язык и губы – и ртом возила по стенам, двери, полу.

Никто не прочел этих слов.

Уборщица кряхтела, вздыхала и возилась с карцером на целых сорок минут дольше обычного. Тело несчастной Сары сожгли в мусорной печи. Барбару уже перевели обратно в общий блок, где она играла со своей слюной, густой и тягучей после обоймы инъекций. Но ровно в ту секунду, когда врач-неудачник – тайна сильна, если спрятана в одной голове! – приступил к кремации, девочка подняла голову и окинула палату трезвым, не упускающим не единой детали взглядом.

Дальше она действовала, как по плану.

Пинком ноги Барби выбила табурет из-под санитарки, схватила его за ножку и со всей силы метнула в дальний конец комнаты. Там как раз кудахтали остальные, более смирные пациентки. Подхватив двумя руками голову ошалевшей от падения медсестры, девушка впечатала ей колено в подбородок и, продолжая шаг, прыгнула вперед. Табурет врезался в толпу склонившихся над лото спин. Крик разбил трюмо тишины. Все взгляды метнулись в сторону воплей.

Барбара подскочила к окну, забранному решеткой, и попыталась повторить трюк с кроватью. Прутья держались крепко. В палату – она слышала это по паническому стуку шагов – уже вбегали санитары. Девушка крутнулась на пятке и встретила самого шустрого из них прямым в скулу. Бах! Верзила как будто напоролся на таран. Подошвы сверкнули в воздухе, и он повалился назад, собирая спиной спешащих коллег.

Барбара метнулась вдоль стены. Санитары опомнились и стали теснить ее, пытаясь перекрыть выход. Локти-колени-зубы. Она дралась, как кошка со стаей собак. Наконец, ей удалось двинуть одного из них в пах, другой поспешно наклонился, пытаясь схватить ее за рукав, Барбара вывернулась, саданула ему в переносицу и кубарем влетела на лестничную площадку. Пересчитала ребрами и позвонками пролет, сползла по другому. И неожиданно весомо получила по зубам. Директор больницы умел быть убедительным.

К шестнадцатилетию Барбары из больницы сбежало двенадцать девушек.

Врач, нашедший Сару, поседел и уволился. Директор высох в обтянутую пигментной кожей корягу. Казалось, это он – упырь, костяной паук, рвет и калечит несчастных. Но так мог думать лишь тот, кто не закатывал рукавов его рубашки. Шприц стал директору женой и исповедником.

Барби держали в одиночке. Каждая смерть отзывалась в ней истошным птичьим криком, проникающей раной. Она узнала, как входят в тело зубья пилы, это ее душили стянутыми в жгут подштанниками, вырвали глаза и заставляли жевать их, давясь собственной плотью. Убийца был не один. Его руками постоянно становились разные люди, но все они кромсали и мучили Барбару. Ее худое незрелое тело.

Масштаб бедствия превосходил любые границы.

Директор разодрал стянутый самыми крепкими нитками рот, набрал известный номер и окровавленными губами прошептал в трубку липкие признания. Когда полицейские мигалки разбили двор больницы красным и синим светом, директор уже не дышал. Страх выключил сердце.

Это было второе дело Сэма Допера.

Счастливые времена!

Никогда еще он не видел трупов, и тело директора его разочаровало. Скучный, превращающийся в холодное мясо кусок, по форме похожий на человека. Манекен. Коробка для души. Зато его всерьез заинтересовала Барбара.

Третьи сутки подряд полисмены сверяли списки и допрашивали персонал больницы, и все ниточки, так или иначе, тянулись в ее одиночную камеру.

Ключья души Барби были настолько малы, что в них едва ли получилось укутать даже котенка. Она почти разучилась говорить, зато бесподобно пела. Таких песен Сэм не слышал никогда. Он много времени проводил с ней, пытаясь разобраться, почему самые сильные при-

падки, во время которых у нее получалось ломать кости мужчинам в полтора раз крупнее ее, выбивать двери, поднимать вес, в четыре раза превышающий ее собственный, а главное – кричать имя пропавшей! – выпадали именно на те часы, когда обнаруживали побег.

Персонал больницы заперли в их же комнатах до детального расследования. На всех порах сюда мчались федералы, а Сэм Доплер смотрел в глаза безумной Барби и видел в них фрески и витражи чужой смерти.

«Если ты увезешь ее отсюда, – нашептывал ему дьявол, – она все тебе расскажет!»

Барбара кивала своим мыслям и пела, стискивая руку Сэма. Он уже все подготовил, по бумагам девушка была сиротой, история болезни твердила, что она безумно сильна и изворотлива, поэтому никто не удивился, когда во время всей этой суматохи она исчезла.

Детектив Доплер затушил сигарету и поглубже вдохнул ночной воздух. Сверчки не заглушали воплей его жены, но гармонично встраивали их в свой хор. Барбара надрывалась в подвале. Наручники натирали ей руки. К тому же она опрокинула горшок и никак не могла до него дотянуться.

Стены из детских криков

Люк умирал.

Он понял это с некоторой гордостью, вот как, оказывается, выглядят последние минуты.

Сил мальчишки хватило забиться под диван в гостиной. Он слышал, как дальше по коридору воюет с огнем жуткий постоялец.

Дом хрипел.

Люк лежал в саване из паутины и чувствовал, как сердце накаливается на сломанные ребра. Во рту звучал вкус крови. Он требовал ясности – пан или пропал. Люк не знал ответа, но торопиться не спешил.

Люку мерещились чьи-то ноги в низкой, почти до пола сборчатой юбке. Ноги согнулись в коленях. Кто-то грузно сел на пол. Под диван заползла пухлая темная рука. За ней следом – половина лица. Уголок губастого рта кривился, а глаз неприветливо дрожал.

– А ну вылезай оттуда, беложопый поганец! – зашипел рот, глаз яростно выпучился в тон словам. Рука глубже залезла в диванную тень и безжалостно схватила Люка за ногу.

«Не успею умереть сам!» – весело подумал он и двинул свободной ногой по спасительнице. Та даже не обратила внимания.

Боль от содранных об пол коленей вернула резвость мысли. Чего это он решил сдаться?

– Жирная дура! – заорал Люк на негритянку и тут же получил кулаком по зубам. Одной рукой женщина схватила его поперек туловища, другую поспешно затолкала ему в рот.

– Молчи, глупая мелочь! Они в коридоре, но стоит им услышать, – в голосе читался неподдельный ужас. Не доставая руки из его рта, женщина вскочила на ноги и потащила мальчишку прочь из столовой. Она метнулась к лестнице на второй этаж, но тут из подвальной щели подул ветер, и темнокожая отшатнулась, будто обожглась, перехватила Люка поудобней и заспешила по второму коридору, стараясь не шуметь.

Зубы и колени болели куда сильнее, чем бок или лицо.

Люк кусался, надеялся, что женщина закричит, отдернет руку, но той, похоже, было все равно.

В хватке толстухи чувствовалась большая сноровка. Ей уже приходилось таскать на себе людей, невзирая на их желание и мольбы. Люк дал себе слово, что не станет просить о пощаде. Пусть пытаются, жгут, жарят живьем. Последняя мысль заставила его содрогнуться. Люк раздумал умирать.

Женщина втащила его в круглую комнату, прикрыла дверь и долго шурилась в темноту, пытаясь разобраться, идут за ними или нет. Люк пыхтел и вырывался. Негритянка врезала ему по носу, и от боли он затих.

– Утихни, мерзкая сопля! – глухо прорычала она и выпустила мальчишку на пол.

Люк отползал и пялился на женщину. Она напоминала огромную, бесконечно ворчливую, но добрую рабыню-кухарку из старых фильмов.

– Я поджег дом, – нашелся Люк. Вдруг она не знает самого важного? Да и кто она вообще такая? Что делает ночью в доме-призраке?

– Этот обрубок Винни почти потушил.

– Две бутылки керосина? – ужаснулся Люк. Неужели все напрасно?!

– Тебя нужно вывести отсюда. Ты – пустой, – лицо кухарки скривилось от неподдельного сожаления. – Как бы ни хотела я накормить тобой падаль, оно сожрет тебя, но не насытится. Ты как большая крыса!

Она расхохоталась, но быстро опомнилась, скомкала смех в ладонях.

– Тут вторая лестница наверх, – женщина снова выглянула в коридор. – Беги, малыш, скорей. По стремянке на чердак, увидишь маленькое оконце, как раз для тебя. По крыше до флигеля, там невысоко.

Лицо негритянки скривилось от внутренней боли. Или это была ярость?

– Не возвращайся, – процедила она. – Ты натворил много зла. Пошел вон, засранец! Увижу еще раз, перегрызу горло.

Люка не пришлось уговаривать. Он метнулся к винтовой лестнице и, цепляясь руками за высокие ступени, полез наверх. Со второго этажа падал острый луч света. Свеча? Лампа?

– Таракан! – кухарка закричала в голос. Мальчишка обернулся, но ничего не увидел.

– Там, балбес! Вверх! На перилах! На втором этаже! – таким криком пытаются уберечь от смертельной опасности, и Люк весь обратился в зрение. По перилам, опережая его на пару метров, торопился крупный таракан. Люку показалось, что тот не просто бежит, а постоянно оборачивается, удирает в панике, как лазутчик, которого застукали, и он во что бы то ни стало обязан донести пакет с донесением в штаб.

– Убей его! Убей! Не дай ему убежать!

Дом содрогнулся, будто его сердце пронзила острая боль. Подвал разразился серией отчаянных воплей и стонов. Душа Люка, вроде бы готовая к самому скверному, неожиданно начала визжать, прятаться и ходить под себя.

– Что ты замер, тупой выродок?! Спасайся! – женщина размахивала руками. В комнате неожиданно стало тесно. Кроме кухарки, появился противный тип с неопрятной копной седых волос, человек, которого Люк не рассмотрел, потому что тот все время оказывался в тени, и священник. Пялиться на них не было времени, кухарка крыла последними словами, Люк проскочил несколько ступеней, вывалился в комнату на втором этаже, опрокинул стол с фонарем, который тут же погас, и заметался в темноте.

Ночь мерцала сквозь забранное шторами окно. Других источников света не было.

Душа скулила и мочилась в штаны.

Люк выскочил в коридор. Здесь было еще темнее. Он зашарил рукой по стене в надежде найти выключатель и почувствовал, как что-то бежит по его штанине. За шиворот упало мелкое шустрое тело. По руке прошлись нахальные лапки. Десятки, сотни тошнотворных, сводящих с ума, бесцеремонных прикосновений. Люк закричал, затопал ногами, пытаясь стряхнуть их с себя. Под ногами лопались тараканы. Все новые и новые полчища кидались на приступ его тела.

Люк заскочил назад в комнату.

Руками принялся срывать с лица и шеи насекомых-захватчиков, спиной давил их об стены, прыгал, орал. Одежда и кожа стали липкими от тараканьей крови, но враги не собирались сдаваться. Люк слышал, как они льются под дверь. Ему не нужны были глаза, чтобы различить шорох, с которым шла его гибель.

Люк проигрывал.

Внезапно он нашупал спиной камин. Руки подсказали, что решетку можно отбросить в сторону. Люк нырнул в обугленную пасть и с облегчением обнаружил, что труба достаточно широка, чтобы вместить его детское тело.

– Спасибо, Санта, – прохрипел Люк и полез в небо.

Колени и лопатки еще сильнее сдирались о щербатую кирпичную кладку, но боль была союзником. Люк полз, позабыв о щекотке, которой насекомые измучили его, он не обращал внимания, что тараканы кишмя кишат в его одежде. Ладони скользили по раздавленным телам. Хуже того, тараканы лезли в ноздри и уши. Люку пришлось закрыть глаза, но ртом приходилось дышать. Его несколько раз вырвало шевелящейся массой.

Труба становилась все уже.

В какой-то момент Люк не смог ползти дальше, и даже крохотные убийцы на миг прекратили бесконечную суету и мельтешение. «Только не со мной!» – не поверил Люк. Тараканы взорвались в дымоходе и накиннулись на мальчишку с утроенной жадностью. Он вытянул руки вверх, решил распрямить колени и рухнуть, сломаться об пол камина, и почувствовал, как пальцы нащупали край трубы!

Он помнил, как крыша стряхнула его с края. Полет был долгим. Люк видел множество этажей и окон, сквозь которые на него смотрели лица. Он не запомнил ни одного. Газон подпрыгнул. Ребра сошлись внахлест. Сердце вывалилось из дверцы как кукушка и пропело три часа.

Эффект Доплера

Барбара ухитрилась порвать двое наручников. Третьими Сэм приковал ее за лодыжку к водопроводной трубе, и именно эта пара выдержала.

Судя по заострившемуся, будто изрезанному лощинами и впадинами лицу, припадок был детский. После сильного Барби скукоживалась, как осенний лист, волосы становились соломой, а ногти, безобразные, за несколько часов отросшие длиннее пальцев, трескались и торчали обломанными лезвиями бритвы. Настоящую одержимость в исполнении жены Доплер видел лишь единожды. Тошнота стиснула желудок, и ужин скоростным экспрессом ринулся наружу. Доплер оперся рукой о стену и сделал несколько глубоких вдохов. Не проверяй перстами раны!

Сейчас Барбара была почти красива.

– Милый, – заскулила женщина. – Тебя так долго не было.

Доплер присел у ее кровати и внимательно осмотрел подвал. Их брак длился двадцать один год. Никто не знал эту изворотливую суку лучше Сэма. Но сегодня, похоже, она не пыталась убежать, а искала подлинной ласки.

Доплер пересел поближе. Провел кончиками пальцев по ее ждущему лицу и с удовлетворением ощутил, как трепещет это существо, искалеченное Богом, поруганное ангелами, как горит, мечтает, чтобы его прикосновения стали более откровенными. Супружескими.

Детектив Доплер жил слоеной жизнью.

Внешне крайне почтенный и уважаемый господин. На его счету значились десятки раскрытых дел и несколько спасенных жизней. Он самолично взял Кентинбургского Калеку и расколол его. Сэма уважали. На него можно положиться. При этом все знали, что чердак у него в крупных дырах. Никому и в голову не приходило позвать Доплера на юбилей дочери. Даже выпить с ним пивка соглашались лишь практиканты. Немудрено, что напарники детектива менялись, как шкура у линяющего зверя.

Кроме того, Сэм Доплер был наркоманом.

Он не мог без признания, не понимал, как жить в мире, где не являешься авторитетом, признанным и подлинным. Дозу славы ему давала работа, которая ничего не стоила без рабыни в подвале.

Сэм наклонился над женой и почувствовал горячие ладони на своем затылке. Вот черт! Он же проверил наручники, она разорвала их! Доплер попытался мягко высвободиться, замотал головой, будто с чем-то осторожно не соглашался, но Барбара вцепилась в него – прежде всего однажды он так паниковал! – и притянула лицо мужа почти вплотную к своему.

Доплер видел лишь фрагменты ее лица. Щека напоминала равнину, изрытую взрывами. Нос увело в сторону. Взгляд Сэма плавал, не фокусируясь на чем-то одном. Жена молчала, лишь напряженно сопела и стискивала в стальных пальцах его многострадальную голову.

– Ты был у них? – губы Барби почти касались его рта. Сэм ждал этого прикосновения, но только по своим правилам – открывающий поцелуй, а потом жена лежит послушным свертком и получает удовольствие, преподносимое супругом сзади.

– О чем ты, милая? – более глупого и неуместного слова он не мог придумать.

Барби оскалилась. Из ее рта пахло сыростью подземелья. Там жили зубы-узники.

– Ты был в доме на холме.

– Позавчера, – пролепетал Доплер и понял, что врет, не может сказать правду, потому что провел там половину вечера, пытаясь найти револьвер и натыкаясь на непристойные картинки на стенах. Он побоялся спуститься в подвал. Во тьме ему чудились клювы и пасти, нацеленные на него, грозящие если не смертью, то муками.

Сэм кряхтел, пытаясь вырваться из капкана объятий жены, и видел – сегодня был особый припадок. Доплер испытывал сексуальное наваждение небывалой силы. Барби смотрела чужими глазами. Точно такой же взгляд детектив чувствовал на себе в доме.

– Я – лорд Тангейзер, трусливый пьяница, – бормотала женщина и водила перед Дуплером головой, как кобра. – Мое имя – Гордон Бёрн, честь имею истреблять всякую нежить.

– Дети, – напомнил Сэм, ищайка в нем наострила уши.

– Он жрал всех подряд, но нужная девочка не пришла.

– Кристина?

– Славное имя, – Барби прижалась щекой к его уху, и он едва не пустил пар, такой ледяной показалась ему истрепанная припадком кожа.

Доплер понял, что все это время беспомощно скребет ногами по полу. Барбара подняла его и прижала к себе, как куклу, детскую игрушку. «Я ведь даже не смогу ее застрелить!» – перехватило дыхание у Сэма. Он зачем-то скользнул пальцами в кобуру. Пустота.

– Сейчас ты выпустишь меня, – прерывисто задышала женщина. Она отдернула от себя его голову и проткнула взглядом. Сэм захлебнулся оправданиями. Барби встряхнула его и продолжила:

– Я не сбегу. Ты – мой рок. Но мы должны перехватить глупца, пока он все не испортил. Жена дернула ногой, наручники отлетели в сторону.

– Ты, правда, думаешь, что они удержат меня?

«Держали же все эти годы?!» – Сэм лакал воздух и не мог напиться. Прежде он бережно связывал жену резиновыми жгутами.

– Не обольщайся, – прочитала она по его глазам, – я всего лишь ждала момента.

Барбара никак не могла простить мужу, что тот не нашел больничного маньяка. Все эти годы она смаковала погибель. Наблюдала чужой занавес. Смерть была ее компаньонкой. Иногда она позволяла Барби вырвать кого-нибудь из своих когтей. Не задаром. Ценой стало тело Барбары. И ее муж.

У выхода из подвала Барби прижала Сэма к стене и пыталась поцеловать. Губы не слушались. Рот сумасшедшей искал искры, челюсти Сэма сводило страхом. Жизнь Дуплера рвалась, как мокрая газета. Револьвер. Дом. Пакостные рисунки. Восстание жены. Обрыв.

Доплер метался внутри себя и не мог успокоиться.

Барбара тащила его в ночь. Под халатом на ней ничего не было. Босые ноги топтали мокрые ладони осенней листвы. Жена знала, куда идти.

Она заставила Сэма лечь в канаву напротив пряничного домика с коричневой черепицей. Включилась, защелкала, рассыпая воду, поливальная машина. Доплер вздрогнул и пропустил момент, когда из дома вышли двое. «Руки не подам, – сразу определил Доплер. – Оторвут». Несомненно, люди самого опасного сорта, непредсказуемые, больные. Мужчина коснулся плеча женщины, та наклонилась, подняла что-то размером с футбольный мяч. Парень вернулся без стука. Пропал на минуту. Вышел с пустыми руками. И ночные гости растаяли без следа.

В окне появился памятный по обыску дома на холме агент по недвижимости. Ярость стянула его лицо в острый шип. Он что-то держал на ладони, другой рукой примеряясь сокрушить.

– Останови его! – приказала Барби, и Сэм помчался исполнять, отложив пока ядовитые мысли, как резко они поменялись ролями. Сердце давало сбой и просилось в прежнюю грудь. Хлопнула дверь. Раздался выстрел оплеухи. Что-то застучало об пол. Прокатилось мимо высокого окна. Отвертка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.